ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
СИНЕЕ ПЛАМЯ
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ТАЛОРИС

Алексей Юрьевич Пехов

Талорис

Серия «Синее пламя», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42722592
ISBN 978-5-9922-2887-8

Аннотация

Время стирает прошлое, заносит песком забвения, превращает историю в мифы. Талорис, город на краю мира, некогда считавшийся прекрасным, теперь полон мрачных тайн и чудовищ. Именно там произошел Катаклизм, расколовший Единое королевство и завершивший эпоху.

В мире успели давно забыть об этом. Люди погрязли в войнах и интригах, они не желают видеть то, что пробуждается на Талорисе спустя сотни лет. Шерон, Мильвио, Дэйт и Лавиани, продолжают свой путь по дорогам герцогств, спеша за синим и белым пламенем, говорящим им о том, что стоит вспомнить прошлое прежде чем станет слишком поздно.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 24
Глава третья 61
Глава четвертая 81
Глава пятая 102
Глава шестая 122
Конец ознакомительного фрагмента. 148

Алексей Пехов, Елена Бычкова Синее пламя. Книга 3. Талорис

Глава первая Баталия

Когда надежда была потеряна, фланги смяты и люди, дрогнув, начали отступать под натиском «других», протрубили рога. Слитные стальные квадраты, шестьдесят тысяч храбрых мужей пришли на бледные равнины Даула. В тот час баталии изменили ход боя и спасли первый день величайшего сражения в истории людей, великих волшебников, асторэ и тьмы, что пришла с той стороны.

«История возвышения и падения Темного Наездника». Записки очевидца. Начало Эпохи Процветания

– Держа-а-а-ать строй! – прокатилось над равниной. – Держаааать!

Дэйт потерял секиру в прошлом столкновении, та намертво застряла в каком-то фихшейзце, на свою беду подвер-

нувшемся под широкое лезвие, когда ряды оборонявшихся были все же разорваны таранным ударом вражеской кавалерии. Извлекать оружие не осталось времени – уставшая панцирная баталия, сомкнув строй, ощетинившись пиками и алебардами, пятилась назад, надеясь достичь каменной гряды возле Старой дороги, закрепиться на ней и передохнуть, прежде чем обескровленный противник подтянет свежие силы.

Раз. Два. Раз. Два.

Они шли.

Сержантские свистки звучали по всей длине фронта, беспрерывно, точно мерзкие птицы. От них не было спасения, и они были… спасением. Помогали сотням людей двигаться в едином ритме, не ломать шеренги, равнять щиты и пики, следить за флангами и не терять надежды, что все получится.

– Темп! Темп, мать вашу! Не спа-ать!

Низкий рев капитана баталии, барона да Мере, свояка Дэйта, пролетел над рядами, заглушая лязг стали. Свистки издали долгую трель, от которой где-то в затылке пробудилась тупая боль. И солдаты стали шагать быстрее.

Раз-два. Раз-два.

Дэйт повертел головой, пытаясь увидеть, что происходит там, где они оставили трупы врагов, но тщетно. Слишком плотный строй, и видно лишь древки пик, серо-голубые знамена с крылатым львом, да латные наплечники и шлемы то-

варищей.

Он был рад, что Кивел да Монтаг отправил его сюда, пускай сперва начальник охраны и высказал свое недовольство из-за того, что ему приходилось оставить герцога.

– Выгляни в коридор, если ослеп, – отмел его возражения владетель. – Видит Вэйрэн, меня есть кому защитить, и это не считая тех трех «карпов», что мы наняли месяц назад. Ты же получишь право быть моим голосом на юге. К тому же хорошо знаешь да Мере, он твой родич и скорее прислушается к тебе, чем к кому-то другому из моего окружения. Драбатские врата и долины за ними важны для нас в этой войне. Если враг их займет, они получат плацдарм, на котором легко переждут зиму, а для нас затягивание войны на своей территории неприемлемо. Возьми тех, кому доверяешь, но не больше сотни из гвардии, и отправляйся. Моя армия не выдержит одновременного удара с двух сторон. Сначала я разберусь здесь, а потом уже стану разговаривать с фихшейзцами и дорогим кузеном, раз он меня предал.

И Дэйт уехал, на три месяца погрузившись в схватки и стычки, которым не было конца.

Удар огромного батального барабана вернул его к реальности. Они стояли на склоне, перед вытоптанным полем, через которое только что прошел бронированный квадрат людей.

Свистки сержантов изменили тональность, и первые два ряда пикинеров двинулись вперед, спустя десять шагов

уперли пики в землю, поставив их под углом, создавая опасный частокол. За ними расположились арбалетчики в легкой броне. Вдоль фронта забегали мальчишки, бросая на пожухлую траву плетеные корзины с тяжелыми бронебойными болтами.

Теперь, если случится внезапная атака, они смогут удержать врага, пока товарищи снова не возьмутся за оружие.

Остальные воины, несколько тысяч человек, вооружились короткими лопатами и мотыгами, начав создавать оборонительную насыпь.

– Дикай! – позвал Дэйт, и перед ним оказался крепкий оруженосец в открытой капеллине. Взгляд у него был уставший, а светлая щетина вся в чужой крови. – Найди мне свободную алебарду из обоза. Тавер! Сколько мы потеряли?

– Всего лишь четверых из тех, кто приехал с вами из Шаруда, милорд, – сказал его заместитель, бородатый молодец с лихо закрученными усами. – Итого из сотни осталось…

– Пятьдесят три человека. Я умею считать. Проверь, чтобы все напились, прежде чем начнется следующая атака.

Баталии более не существовало. Крепкий стальной квадрат разбился на отдельные отряды, каждый занял свой участок растущего укрепления. Люди работали усердно, обустраивая временный лагерь, и каждый знал, что ему делать.

Вперед выслали патрули, два десятка всадников начали следить за местностью, еще пятеро ускакали в тыл, к отступившему ранее большому обозу, сообщить, чтобы везли

провиант. Где-то на задворках укрепления уже застучал молот походной кузницы, а легко раненных отводили к раскрытому шатру белого цвета.

Дэйт все это видел, проходя мимо людей, слыша, как лопаты вгрызаются в землю, как мотыги попадают по камням и как оруженосцы разносят воду, перекинув тяжелые кувшины ремнями через плечи.

В центре разбиваемого лагеря он нашел капитана баталии.

Барон да Мере, плотный и физически сильный, с совершенно лысой головой, уродливый из-за когда-то сломанной и неправильно сросшейся нижней челюсти (удар палицы в одном из пограничных сражений за Брокаванский перешеек), скорее рычал, чем говорил. Враги звали его Зверем Брокавана, свои – Старым Медведем.

Он был облачен в полный доспех, украшенный позолотой и синей эмалью, сейчас покрытый пылью, чужой кровью и вмятинами.

– Мы удержались, Шестеро их забери! – Капитан стоял, широко расставив ноги, похожий на гротескный бочонок, опираясь на перекрестье воткнутого в землю цвайхандера. – Мы отбили девять атак! И потеряли чуть больше сотни человек! А они почти две тысячи!

Слушавшие его дворяне застучали кулаками в латных перчатках по маленьким щитам или же по собственным нагрудникам, одобряя сказанное.

– Теперь мы встретим их здесь, и пусть попробуют сунуть-

ся, если им еще раз получить захотелось! Баталия сильна!

– Сильна единством! – хором ответили ему. Это был знаменитый боевой клич пехоты, родившийся тысячи лет назад, в те времена, когда их народ пришел биться на равнины Даула.

Узкие горные долины, пики и тропы не позволяли южным кантонам держать в достаточном количестве хорошо обученную кавалерию. И дворяне испокон веков предпочитали сражаться в пешем строю, вместе со своими солдатами.

Баталиями. Стальными квадратами. Лесом пик, алебард, быстрыми маневрами, неотвратимым накатом, безжалостностью к пленным и побежденным. Они были железным грохочущим морем, дисциплинированным и страшным в своей драке.

Могучим единством и сплоченностью.

– Идите к своим людям! Будьте с ними! Поддержите их. Передайте сержантам, что я горжусь всеми. Деритесь как всегда! И мы увидим завтрашний день! Баталия сильна!

– Сильна единством! – вновь прозвучало в предгорьях, прежде чем люди стали расходиться.

Да Мере обнял Дэйта, стукнул его по плечу:

– Рад, что ты цел. Жаркий выдался денек.

– Мы не добились того, чего планировали, – они смогли отбросить нас.

– Да. Не добились. Я предпочел отступить, чем ждать, когда их стрелы выкосят наши центральные ряды. Считаешь,

что не прав?

– Герцог пусть решает, прав ты или нет, – мрачно ответил Дэйт. – Мы могли бы их еще сильнее потрепать, но лучше играть от обороны. Однако ты ведь понимаешь, что случится, если мы отойдем еще дальше? Через четыре лиги тракт разделяется. Что ты выберешь? Драбатские врата или Червя? Мы не сможем защищать и то и то дальше нынешней позиции. Как драться на два фронта?

– С удовольствием! – Барон сплюнул. – Я получил сегодня письмо от его милости. Он шлет нам свои пожелания быть сильными. Быть сильными! Чтоб этого ублюдка забрал его любимый Вэйрэн! Кажется, слепая баба свела его с ума. Мне нужны не пожелания, а пики! Стрелки! Стальные, мать их, отряды! Эти фихшейзские мрази разоряют мои земли, грабят мои амбары и убивают моих людей, захватывая город за городом. А я могу лишь огрызаться, словно железная собака, кусать их, да пятиться назад. До врат. Сдавая долину за долиной.

– Ты знаешь, что ситуация на западе куда хуже, чем здесь. На перевалах все готово к встрече, а врата защищать можно бесконечно долго.

Барон посмотрел зло:

– Вот что я тебе скажу, родич. Их можно было бы защищать бесконечно долго, оставь Тион на них створки. Но ему приспичило все разрушить из-за своего противостояния со Скованным. И теперь там дорога, через которую пройдет ги-

гант, не говоря уже об обычных людях. Нас спасает лишь узкий мост, еще более узкая тропа и двенадцать оборонительных башен, где сидят почти все наши лучники. Я смогу сдерживать врага месяц, ну два. Но потом стрелы кончатся, а наши силы истощатся, и они пройдут дальше. Ты же это понимаешь.

– Я напишу герцогу, – предложил Дэйт.

– Напиши, – не стал возражать да Мере. – Отправлю письмо со слугой, пока Северная дорога еще не захвачена.

– Червь важен. Ущелье защищается испокон веков. Туда нет хода чужакам. Ты же не собираешься нарушить законы предков?

– Шаутт взял бы этих предков! Мы защищаем дикое ущелье из-за законов прошлой эпохи. Впрочем, приказ герцога. – Барон помахал сложенной бумагой. – Он делит баталию, забери его Шестеро. Ты отправляешься к Червю.

Дэйт вздохнул:

– Примерно это я и хотел тебе предложить. Мы не можем так рисковать и оставить этот путь свободным. Ты же знаешь, что собирается сделать кузен герцога?

– Предатель при поддержке фихшейзцев намерен пройти Червем на вершину Поцелуя Рассвета и обрушить с нее нависающий над долиной Камень белых львов. Я никогда там не был? А ты?

– И я. Однако говорят, что обломок скалы достаточно велик, чтобы упасть на ледник и сдвинуть его с места.

– Падали камни и раньше.

– Но, если у него получится, лед и гигантские валуны устремятся в долины юга, снося все на пути. В том числе и опорные башни Драбатских врат. Если у него получится, мы сдадим юг.

– Шанс невелик.

– Такое уже проделывали однажды, – напомнил Дэйт.

– Тысячу лет назад! Войс и Тион привели ледник в движение с помощью магии, и он в порошок перемолол кости целой армии. Но у Эрика-то магии нет.

– У него есть люди, решительность, молотки и кирки. Родственник нашего славного герцога всегда был беспринципным сукиным сыном и если он пошел на предательство – то ради того, чтобы сесть на Львиный трон, убьет и соотечественников.

Да Мере помолчал, устало потер лицо:

– Мы спорим о пустом. Я могу сколько угодно не верить в то, что такое случится, но это не отменяет приказа герцога. К тому же, несмотря на мое недоверие и это дурное ворчание, прости дурака, я уже давно отправил туда рабочих рушить мосты. Ну ты и сам знаешь. Короче, все уже решено. Ты выступаешь к Червю и будешь защищать каменщиков, пока они сломают там все, до чего дотянутся их руки.

– Сколько я могу взять людей?

– Пять десятков. К твоим оставшимся.

Это было разумно. Тропы под землей узкие и, чтобы сдер-

живать противника, не нужна огромная армия.

– И наемников. Южан.

– Бери стрелков.

– Что с огнем?

– Там большой запас угля. Люди работают уже две недели. Запасы пополняют постоянно, еще принесли масло, к тому же у меня хранились… – Барон помедлил и сказал с неохотой: – Несколько артефактов прошлой эпохи. Они дают свет. Тусклый, конечно. Но, если топливо закончится, это поможет вам не остаться во мраке.

Дэйт подумал, посмотрел на высокое небо, мечтая избавиться от опостылевших доспехов.

– Вещи прошлой эпохи. Не знал, что у тебя что-то есть.

– Хм.

– Ну, значит, пустим кровь тем, кто решит туда сунуться.

– И да помогут вам Шестеро.

– Вэйрэн, – поправил его Дэйт.

Да Мере прищурился:

– Я не верю в новых богов.

– И я. Но герцог верит. Как и многие в стране теперь. Они идут за Вэйрэном. Шестеро не могли защитить нас от шауттов, а его сила смогла.

– Простолюдинка. Вся война из-за девки. Когда ее подстрелили, я даже обрадовался, но она воскресла, словно таувин из старых легенд. Впрочем, давай молиться всем, кто готов нас услышать.

К вечеру насыпь выросла до двух ярдов, полностью защищая фронт укрепившейся баталии. Ее левый фланг прикрывала речка, бегущая с предгорий, а правый – густой дикий кустарник и придорожная канава с ручьем. Ни одна конница, если только ее командиры не идиоты, не пойдет на штурм при таком рельефе, да еще и в горку.

Бой завязался уже в глубоких сумерках. Сперва на расстояние навесной стрельбы подошли четыре сотни лучников, опустошивших колчаны, но не причинили баталии серьезного вреда – люди прятались за башенными щитами и павезами, погибших оказалось не больше десятка. Затем в атаку двинулись спешившиеся рыцари Фихшейза, и на подходе их встретили «Виноградные шершни» – три сотни наемников-арбалетчиков из Треттини, проредив первые ряды и сбив напор, а после, когда враг все же ринулся на штурм, пытаясь забраться на насыпь, его «приняли» добрые пики, гостеприимные алебарды, ласковые полэксы и милосердные гизармы в товариществе с участливыми годендагами.

Ломая панцири, пробивая шлемы, заливая склон кровью, они заставили фихшейзцев откатиться назад, оставив убитых и раненых. Последних пришлось добивать и отволакивать крюками в поле, подальше от стоянки.

Когда стемнело, стороны успокоились до самого утра. Барон установил ночные дежурства, приказал освещать насыпь и следить за флангами, если враг все же задумал какую-то

подлость. По периметру реки и ручья расставили секреты, и только после этого люди смогли хоть немного отдохнуть и расслабиться.

Дэйт наконец-то снял с себя броню и даже искупался в реке, несмотря на нытье оруженосца Дикая, который беспокоился о своем господине по поводу и без повода.

– Хватит трястись за меня, – сказал ему начальник охраны герцога, пока помощник держал зажженный фонарь. – Ты хуже, чем три моих дочери, беспокоящиеся о своем скором замужестве.

Это немного пристыдило парня и тот перестал причитать, и лишь недовольно сопел да держал шестопер наготове, пока его господин залезал в холодную воду.

Мастер Рилли, командир наемных стрелков, пришел к костру, когда Дэйт вытирался отрезом ткани, стуча зубами и негромко ругаясь. На воине была простая вельветовая куртка и короткие штаны, открывавшие волосатые лодыжки. Он явился босым, а щегольский алый берет был засунут за широкий пояс, на котором висел фальчион со старенькой рукояткой.

Невысокий, улыбчивый капитан арбалетчиков не отказался ни от вина, ни от жареных куриных крылышек и насладился ужином в компании приближенных Дэйта.

– Сиор, – сказал этот чернявый щуплый треттинец, ковыряясь палочкой в зубах после ужина. – Барон приказал отправить с вами какое-то количество моих славных братьев.

– Вы недовольны этим.

Последовало невозмутимое пожатие плеч:

– Отчасти. Теперь мне придется разделить людей. Это снизит эффективность отряда, приведет к лишним потерям, а на моих лейтенантов лягут дополнительные обязанности. Да и у меня седых волос прибавится.

– Но да Мере щедро платит и не задерживает жалованье.

– Верно, – нехотя согласился наемник. – Он честен и без сожаления отдает марки за наши риски. И не против, чтобы ребята шуровали по вещам покойных врагов, да хранят их души Шестеро. Но… подземелье не входило в условия контракта.

– К тому же сам герцог обещал всем наемным отрядам премию после окончания войны. Он держит обещания. А я – его слово на этой стороне горного хребта, – напомнил Дэйт.

– Интересно выслушать ваше предложение, – прищурился Рилли, начав понимать, куда тот клонит.

– И вот вам мое слово. Те, кто пойдут с нами к Червю, получат двойную выплату. Сразу.

Треттинец вздохнул так, словно ему сообщили о тяжелой болезни любимой бабушки.

– Мы не горим желанием лезть под землю, сиор. Жители Треттини ценят небо, простор и свежий воздух. – Капитан наемников взмахнул зубочисткой, словно та должна была подтвердить его слова. – Под землей люди должны оказываться, лишь попав в могилу. К тому же Червь, как я слышал

от солдат, место древнее, помнящее прошлую эпоху. Мало ли что может скрываться во мраке… Знаете ведь, как опасны вещи и места из прошлого.

– Двойная оплата, мастер, – еще раз напомнил Дэйт. – И все доспехи, оружие и золото с убитых, в которых после боя мы найдем хотя бы один ваш болт.

– И выкуп за благородных пленников тоже, – тут же ухватился капитан наемников.

– Сожалею, – сухо ответил Дэйт. – Вы уже должны были понять, что мы не берем пленных. Это правило баталии. Пленные обременяют движение армии, их надо охранять, кормить и заботиться. Они пришли на нашу землю, чужаков никто сюда не звал, поэтому смерть для них – единственный вариант. Все, что вы сможете себе позволить: сбросить выживших в Улыбку Шаутта. Такое удовольствие я могу вам предоставить.

Командир арбалетчиков покачал головой, ответив на предложение легкой улыбкой:

– Нам не платят за работу палачей, сиор. «Крутящиеся черепа» или же «Соловьи Лентра» легко бы согласились, но «Шершни» дорожат своей репутацией. Мы просто солдаты. Согласен на двойную оплату и сокровища с мертвецов. А пленных сбрасывайте в пропасть сами.

Треттинец степенно протянул руку, и Дэйт ее пожал, скрепляя сделку с наемником.

– Дополнение к контракту подпишем, как станет светло.

И сразу получим выплату из сундука любезного казначея милорда да Мере. Я, пожалуй, пойду с вами, а лейтенантов оставлю общаться с бароном. От его вечерних ужинов у меня наутро вечная головная боль. Сколько уходит с вами?

– Сто три человека.

Треттинец сунул палец в правое ухо, поковырял в нем, изучил ноготь в свете оранжевого пламени.

– Негусто, сиор. Риски велики.

– Риски есть в каждой битве, сто человек у тебя или двадцать тысяч. Ведь знаете, как все может повернуться, если удача окажется на другой стороне. Проиграть можно и с трехкратным преимуществом. Чтобы держать мост, надо не больше десятка. Одни дерутся, остальные в резерве и меняются по мере надобности. Мы веками следуем этой тактике в горах. Сколько вы готовы взять стрелков?

– Тридцать?

– Из трех сотен? Мало. При тридцати стрелках мы получаем пять арбалетов на каждый из мостов, если враг начнет атаку одновременно по всем направлениям.

– Сорок?

– Пятьдесят.

– Платить барону и герцогу, сиор, – усмехнулся Рилли и отправил палочку, которой чистил зубы, в пламя. – Пусть будет пятьдесят. Только обеспечьте моих стрелков светом, чтобы было видно, в кого бить.

– Возьмите болтов столько, сколько сможете нести. И даже

чуть больше. И павезы.

– Уже сделано, сиор. Несколько возов с амуницией отправлены к пещерам пару часов назад по распоряжению барона. Завтра утром мы возьмем еще из обоза. Столько, сколько позволят ваши командиры. Но прежде, чем уйти, я хотел бы узнать о Черве как можно больше.

– Я думал, про него и так все известно.

Наемник негромко рассмеялся.

– В вашем герцогстве, возможно. Но мир слишком велик, а в моей стране подобных древних строений полно на побережье и даже на мелководье, не говоря уже о лесах и полях. Единое королевство было слишком велико, а память людская слишком коротка, чтобы помнить все, что осталось с прошлых времен.

– Это пещера в южных отрогах хребта Кинжала. Никто не знает, сколько ей лет и когда она появилась, может, еще во времена асторэ. Точнее, это целая цепь пещер, от больших до огромных, и они ведут мимо нескольких озер к Улыбке Шаутта – глубокой пропасти, по форме похожей на месяц. Через нее переброшено шесть мостов.

– Зачем так много?

– Раньше это был единственный путь через горы, пока волшебники не сделали проходимым перевал, сточив хребет. На нем они построили Драбатские врата. Мосты очень узкие, а людей путешествовало много. После Катаклизма горы пришли в движение, и сквозная подземная дорога во

внутренние области герцогства оказалась разрушена.

Капитан наемников сложил руки, украшенные кольцами, на груди.

– То есть выход из подземелья только один?

– Нет, – помолчав, сказал Дэйт. – Осталось два пути после преодоления Улыбки Шаутта. Первый совершенно не интересен фихшейзцам, через почти восемьдесят лиг подземная дорога выходит по эту сторону хребта Кинжала. В диких лесах, на плато, где не живут уже много столетий. Они ничего не выиграют, оказавшись там, им придется идти почти до границы с Давором, где есть единственный спуск вниз, в долины.

– И это предстоит нам, если мы обрушим мосты? Ведь так? Целых восемьдесят проклятых шауттом лиг по подземельям, а затем дыра, из которой до войны мы будем добираться та сторона знает сколько времени.

– Верно. Отряд отступит именно этой дорогой, припасы уже подготовлены, и нам будет такое под силу.

– Право, мои люди останутся недовольны. – Капитан вздохнул. – Лишь двойная выплата заставит их не роптать. А второй путь?

– Он – цель нашего противника, как докладывают шпионы. Сразу после пропасти одна из двух уцелевших дорог идет резко вверх. Это Червь – гладкий, витой туннель, который, как говорят, создали волшебники. Он выходит на уровне снегов, на вершине Поцелуя Рассвета.

– Вы там были?

– Туда давно уже никто не ходит. Когда-то волшебники приходили на скалу, чтобы заключить союз с крылатыми львами. Про львов-то вы знаете?

– Конечно, – улыбнулся наемник. – Существа из сказки, как эйвы. Белые львы, способные летать. Они признавали над собой лишь власть волшебников и перевозили их из одной части Единого королевства в другую. Все львы погибли в Войну Гнева.

– Так говорят, – признал Дэйт. – Но многие у нас считают, что львам просто надоели люди и они скрылись на самых высоких пиках. Порой некоторые слышат в горах их рев, а может, путают его с камнепадом и лавинами. Как бы то ни было, Червь выводит на площадку, где находится огромный камень, нависающий над отвесным склоном.

– Это я уже слышал. – Наемник хлопнул себя по колену. – Кое-кто хочет скинуть его в долину и вызвать движение ледника, как в старом мифе.

– И мы не можем этого допустить. Пока основные силы будут держать оборону Драбатских врат, наш отряд обрушит мосты и лишит противника шанса устроить самую настоящую катастрофу.

Мастер Рилли почесал в затылке:

– Сиор, как человек практичный, я не могу не задать вопроса касательно мостов. Что мешает противнику отстроить их заново?

Дэйт улыбнулся:

– Время, например. Если армия его светлости придет на помощь барону да Мере и ударит фихшейзцам в спину, то опрокинет их в пропасть. Им некуда будет отступать.

– Ах, сиор. Поверьте человеку, зарабатывающему на жизнь войной: делать на ней прогнозы дело часто безрезультатное, и лишь Шестеро знают, как все повернется в итоге. Осень тянется, начнется месяц Меча с дождями, а потом и зима наступит, и армия герцога останется на западе, не успеет сюда. Тогда ваши надежды на то, что осаду Драбатских врат снимут, окажутся тщетны, мосты они восстановят – и камень все же упадет вниз.

– Милорд, – подал голос оруженосец. – Позвольте?

– Давай, Дикай, если тебе есть чего сказать.

– Я отсюда, хотя никогда не ходил к Червю. Ущелье перекрыто, его хорошо охраняют, и никто не пускает зевак, как это диктует старый закон. Но мой дед бывал там в молодости и рассказывал, что видел… Вы просто не представляете Улыбку Шаутта. Потребуются месяцы, чтобы восстановить хотя бы один мост. А возможно, и годы. То, что делали волшебники, трудно воссоздать обычным людям, особенно в нашу Эпоху Забвения.

– Но зато обычные люди с радостью сломают чужую работу. – Командир стрелков встал. – Возблагодарим же Шестерых за это. Давайте все сегодня хорошо выспимся, сиоры. Завтра нас ждет долгий переход, а после… после тоже ниче-

го хорошего не будет.

Глава вторая
Ирифи

В старых книгах говорят о днях, когда он появился в первый раз. Пришел из пустыни, поднявшись до неба желтым пологом, и обрушился на богатый караван, который больше никто никогда не видел. После он шагнул в оазисы, поселки и города, сделав небо оранжевым, а солнце бледным – и бушевал неделю, забрав с собой всех, кто необдуманно покинул кров. Говорили, что это дыхание Катаклизма, насмешка погибшего Войса, когда-то повелевавшего ветрами и спустившего их с поводка на Скованного. Дикий ветер рыщет по нашей земле, собирая страшную жатву. За века мы привыкли к его приходу и лишь смеемся над его тщетными попытками навредить нам. Но порой вместе с ветром приходят и те, кто скрывается за стеной песка и пыли…

Альх Тафи. «Чудовищные существа пустыни». Первое издание. 532 год со времен Катаклизма

Узкий соланский меч с чашеобразной гардой, легкий и удивительно прочный, не стал парировать восходящий удар, лишь мягко, как учил Мильвио, скользнул по другому клинку, чуть смещая, открывая пространство достаточное для ответной атаки. Девушка быстро отступила вправо, выворачи-

вая запястье, нанесла укол.

«Цапля охотится на рыбу в камышах».

Враг не ожидал от нее такой стремительности, едва не пропустил выпад, но в последний миг успел развернуться, уходя с линии удара. Шерон, предугадав, что последует за этим, снова сместилась, ловко балансируя на треснувших камнях сторожевой площадки древней крепостной башни.

Ее противник, мускулистый седеющий карифец, оскалился и перешел в наступление.

«Цапля стоит на одной ноге», «Цапля вытягивает шею», «Цапля следит за облаками» – ей постоянно приходилось использовать высокие стойки, чтобы защитить голову и шею.

Свободная рубашка из тонкой ткани намокла от пота, липла к спине, сердце билось загнанно, а руки из-за долгой схватки начали уставать. Она понимала, что пора заканчивать бой, до того, как жара высосет из нее все без остатка.

Мечи столкнулись, и «цапля взмахнула крыльями», а через удар сердца «погналась за стрекозой, огибая холм». Ее клинок, точно проворный мотылек, скользнул в открывшуюся брешь.

– Ух! – сказала Шерон спустя мгновение, получив болезненный удар в плечо, и опустила оружие, признавая проигрыш. – Но как?! Я была уверена.

– Уверенности мало. Нужны еще знания. Никогда не используй укол из такой стойки, особенно против того, кто опытнее тебя. Во время него ты открыта. Здесь. И здесь. Бо-

лее слабого ты убьешь, но не опытного воина. Этот удар опасен не только для того, кому он предназначается…

– «…но и для того, кто его наносит, ибо открывает его противнику. Даже раненый и даже убитый, но все еще живой враг может нанести удар и забрать тебя с собой», – процитировала она старый учебник.

– Правильно. Но в этот раз у тебя все почти получилось. Ты была быстра, госпожа. Очень-очень быстра. И спокойна. Я доволен, как проходят наши уроки.

Убрав меч в ножны, мастер клинка продолжил:

– Ты учишься, с каждым месяцем становишься лучше. И начинаешь просчитывать на несколько ходов вперед. Я видел, ты плела свое кружево последние минуты, вынуждая меня открыться. И у тебя почти получилось. Со временем ты поймешь, кто опасен и как против него надо действовать. Не расстраивайся из-за неудачи. Она тоже часть обучения.

– Спасибо, Шамси. Ты хороший учитель.

Он степенно кивнул, принимая ее благодарность, но на смуглом лице не появилось и намека на улыбку. Карифец считал, что проявление лишних эмоций совсем не красит его седины.

Сперва это немного смущало Шерон, она никак не могла понять человека, которого нашла для нее Лавиани, но затем научилась читать по глазам. Он был мастером короткого меча, требовательным и порой даже жестоким, но терпеливым и готовым объяснять до бесконечности. А ведь понача-

лу указывающая была против предложения сойки.

Тот разговор произошел много месяцев назад, после очередной тренировки, когда к вечеру вся спина Шерон оказалась покрыта темными синяками от деревянного меча Лавиани.

– Я все время тебе проигрываю, – сказала девушка, когда та обрабатывала «побои» едкой мазью, остро пахнущей смолистыми травами.

– А чего ты хочешь, рыба полосатая? – возмутилась собеседница. – Чтобы я тебе подыграла? Сдалась? Ну ладно, вот она я. Иди, ткни в меня своей палкой, если тебе от этого станет легче. Но в реальном бою никто не будет играть с тобой в поддавки. Я стараюсь подготовить тебя к настоящей схватке, и в ней, хоть для тебя это и является сюрпризом, как я посмотрю – все быстро, больно и очень жестоко.

– Я о том, что мне иногда кажется – все зря. Ты стремительная, и я просто не успеваю за тобой. Иногда даже движения не успеваю рассмотреть.

– Я этим занимаюсь с детства, и меня тренировал лучший убийца Пубира. А ты девочка с окраины мира, которая сражается с заблудившимися, а не с живыми людьми. По мне, тебе бы и дальше делать лишь то, что у тебя получается удачнее всего.

– Уж поверь, я тоже бы этого хотела. Заблудившиеся куда более простые противники, чем ты. Беда только в том, что они в Нимаде, а мы с тобой в Эльвате, в противоположной

части света.

– Ладно. Это я так… ворчу, – буркнула сойка. – Ты, конечно, права, что начала заниматься, а Фламинго прав, что поддержал твою идею обучиться управляться с оружием. При нашем безумном образе жизни скорее встретишь живого человека с мечом в руках, чем мертвеца с волчьими зубами. Но сейчас ты просто торопишь события. Еще и года не прошло, как на берегу Бренна ты первый раз взялась за фехтование. И все равно твой прогресс впечатляет.

– Тебя впечатляет? – с иронией спросила девушка.

– Ну это я так… чтобы показаться вежливой, сказала, – признала Лавиани и усмехнулась.

– Вот это больше на тебя похоже, а то я уже начала думать, что передо мной шаутт, принявший твой облик, – мрачно произнесла указывающая, стараясь не обращать внимания на боль в спине.

– Язвишь, девочка? Хорошо. Найду я тебе мастера фехтования, – внезапно решила Лавиани. – Все. Надевай рубашку. За два дня заживет.

– Что? – Шерон не поверила своим ушам. – Зачем мне кто-то, когда есть ты?

Бывшая убийца Ночного клана помолчала, прежде чем ответить:

– Я плохой учитель. Раздражительна. Нетерпелива. И часто излишне жестока. Была бы ты парнем, и я бы сочла, что ты перетерпишь мои «уроки». Но ты мелкая девчонка, и ко-

гда-нибудь я сломаю тебе ребра или хребет только из-за своего дурного настроения. Тебе нужен тот, кто зарабатывает этим ремеслом и продолжит обучать тебя южной школе меча, раз уж Мильвио начал это делать.

Шерон затянула завязки на рукавах, задумчиво посмотрела на собеседницу:

– Может, я и мелкая девчонка, но давно уже не маленькая. Что происходит, Лавиани?

Та хмыкнула и села на подоконник, слушая, как шумят вечерние улицы Эльвата, оживающие после тяжелого дневного пекла.

– Правда в том, что мне надо оставить город на какое-то время.

Указывающая нахмурилась, но прежде, чем ответить, вымыла руки в металлическом тазу, думая о том, что нагревшаяся за день вода совершенно не освежает.

– У нас неприятности?

– Нет.

– У тебя неприятности?

– Не думаю.

– Шестеро! Ты можешь хоть раз ответить прямо?!

– Не злись, девочка. – Шерон готова была поклясться, что ей послышалась неуверенность в голосе сойки. – Ты знаешь, что я ничего не делаю без веских причин. Это важно для будущего, и мне придется уйти.

– Я могу пойти с тобой?

Ответ она прочитала по лицу.

– Хорошо, – вздохнула девушка. – Значит, я остаюсь в компании Бланки.

Обе не сговариваясь хмыкнули, говоря тем самым, что удовольствие общаться с госпожой Эрбет крайне сомнительно.

– Ты вернешься?

– Конечно вернусь! – возмутилась сойка. – А ты будешь ждать меня здесь. И меня, и Мильвио. Он тоже появится рано или поздно.

«Но не Тэо», – с печалью подумала девушка, а вслух сказала:

– Сколько тебя не будет?

– Три месяца на дорогу туда и обратно, – пообещала сойка. – Максимум четыре. Я уйду, когда найду для тебя подходящего учителя, чтобы ты не теряла времени даром. Продолжишь осваивать клинок. Но пообещай, что, пока меня не будет, ты не станешь делать глупости и то, ради чего нас сюда привел Мильвио.

– Обещаю, – легко согласилась указывающая. – Без вас я вряд ли смогу добиться хоть какого-то успеха.

Думая об этом разговоре сейчас, Шерон подняла объемную флягу, принесенную Шамси, и сделала несколько скупых глотков, чувствуя слабую горечь на языке от трав, на которых была настояна вода.

Прошло не три месяца. И даже не четыре. С тех пор как

Лавиани отправилась в путь, минуло полгода, и девушка была в отчаянии, не зная, увидит ли она хоть кого-то из своих друзей.

Тех, кого давно считала своей семьей.

Ей оставалось самое сложное – ждать.

Она не любила этого. И боялась.

Когда-то… казалось, уже в прошлой жизни… она ждала Димитра, уходившего в море и возвращавшегося с уловом. В конце концов море не вернуло мужа домой, отдало уинам, и Шерон помнила ту боль, что надолго поселилась в ее сердце.

Ожидание хуже мучений. И вот оно стало смыслом ее жизни. Теперь ей приходилось ждать острую на язык сойку. Ждать великого волшебника, так много рассказавшего ей о прошлой эпохе. И… Тэо. Тэо она тоже ждала, пускай и почти потеряла надежду на его возвращение.

Девушка осторожно села на край стены, свесив ноги в пустоту и разглядывая кварталы.

Уроженка Летоса, она так и не смогла привыкнуть к жаре Карифа, порой казавшейся ей нереальной, а порой… ужасной. В ее герцогстве, стране нескончаемых дождей, туманов и затяжных зимних штормов, тепло редкого и скоротечного лета было праздником, но она и подумать не могла, что на юге обитаемого континента это самое «тепло» длится вечно, а иной раз и убивает неосторожного.

За долгий, невыносимо жаркий день солнце устало быть чудовищем, ослепительно-белым и таким раскаленным, что,

казалось, от его лучей должен лопнуть череп, стоит лишь покинуть спасительную тень. Теперь оно с величавостью каравана туаре, бредущего от оазиса к оазису, медленно клонилось к горизонту, остывая и позволяя людям оставить дома, встречая скорую ночную «прохладу».

Ее до сих пор потрясала столица Карифа, помнящая Тиона, встречавшая Гвинта и Лавьенду, пережившая Катаклизм, почти утонувшая в жестоких песках, но выбравшаяся из них цветущим садом.

Он раскинулся в широкой долине, окруженной старыми красноватыми утесами, раскаляемыми солнцем, точно металл в кузнечном горне. За ними начиналась губительная пустыня, протянувшаяся до Песчаного моря, состоящая из барханов, скал, мертвых камней и редких живых островков, казавшихся изумрудным ожерельем на теле древней мумии.

Эльват был огромным городом, переждавшим все беды этого мира и устоявшим после раскола Единого королевства. Его жители не ушли, здания не остались заброшенными, и их не источило время, как многие другие города континента. Столица герцогства лишь росла из века в век, расползаясь по долине вместе с оросительными каналами, финиковыми рощами, каскадными полями и искусственными озерами.

Здесь, в сердце Феннефат, Дыхания Смерти, как называли появившуюся после Катаклизма пустыню, люди научились получать воду, вгрызаясь в землю, буря ее и добывая из скважин скрытый в глубине бесценный дар.

Шерон была удивлена, какую колоссальную работу проделали карифцы, чтобы несмотря на жаркий климат, превратить каменистую пустошь в зеленую долину. Сюда был вложен труд и жизни множества поколений, что тысячелетие восстанавливали величие своей страны, пришедшей в упадок после Войны Гнева.

Башня, на плоской крыше которой Шамси учил девушку искусству меча, раньше входила в систему городских укреплений, но давно уже была поглощена разросшимся Эльватом, оказавшись далеко от периметра внешних стен, в районе Лиловых Цветов, совсем рядом с огромным Верблюжьим рынком.

К ней еще много веков назад пристроили дома, перестали считать важным опорным пунктом, отдав на откуп людям, служившим в гвардии и вышедшим на пенсию. Внизу открылся постоялый двор, над ним жили несколько семей, а на смотровой площадке Шамси, когда-то тренировавший солдат, теперь преподавал искусство меча чужестранке.

Еще с десяток таких же башен каменными пальцами возвышались над городской застройкой, цепочкой уходя на юг, к Полю Мертвых – огромному некрополю, раскинувшемуся под тенью древних растрескавшихся утесов, выросшему вокруг могилы безымянного великого волшебника, жившего еще до того, как появился Скованный и его ученики.

Уроженка Летоса вгляделась в горизонт: где-то там, в доме с окнами, выходящими на старые могильные плиты, об-

рушенные пирамиды и засыпанные склепы, жила она.

Это странное место выбрал Мильвио, хотя Шерон и возражала, не желая находиться слишком близко к погосту, самому большому из всех известных в цивилизованном мире.

– Я не хочу. Давай найдем другое место. Почему здесь? – первое, что сказала девушка, попав туда и восстановив дыхание.

Он посмотрел на нее с грустью:

– Потому что это причиняет тебе боль. Потому что ты чувствуешь кости, что спят в песке.

– Чувствую, – шепотом призналась она. – Они бледней ракушек на галечном пляже. Тысячи тысяч. Старых и молодых. Я знаю их всех, и они зовут меня. Зачем мне эта боль?

Он взял руки Шерон в свои, заглянул в лицо:

– Пока чувствуешь ее, ты остаешься собой. Человеком. Указывающей из Нимада, а не тзамас, хозяйкой мертвых. Дар, который спал во многих из вашего племени почти тысячу лет, пробудился в тебе. Дар – это борьба. Не важно, кто ты – некромант, великий волшебник, асторэ или таувин. Всегда есть соблазн и сила, что толкает нас на плохие поступки.

– Плохие? Но, Мильвио, отчего же сразу плохие?!

Его глаза были как холодные изумруды:

– Потому что мы можем. Это в человеческой природе – совершать дурные поступки, обретая власть над другими. Пока твой новый дар юн, он будет проверять тебя. Как пес проверяет неопытного хозяина. Как волк проверяет своего во-

жака, и ищет слабину. Поддашься, и он станет главнее, чем ты. Победит твою природу. Заставит оступиться, и это может привести тебя вон туда. – Мильвио кивнул на ряды ступенчатых пирамидок, тянущихся до самого горизонта, где угадывались очертания утесов. – А если не тебя, то сотни людей, что могут оказаться на твоем пути.

Шерон, подумав над его словами, спросила через несколько дней:

– Значит ли, что некроманты прошлого теряли разум?

– Как асторэ, не способные справиться со своим даром? Нет. Ты не сойдешь с ума… – Он вздохнул и неожиданно признался: – Знаешь, я многое забыл из того, чего не стоило забывать. Когда твоя жизнь столь длинна, события смазываются, теряются, а истина не кажется такой уж очевидной. Просто… ты можешь стать иной, потому что общение с мертвыми, помощь от них… меняют. И то, что раньше ты считала правильным, можно с легкостью отбросить, словно ненужный якорь. Шаг. Еще шаг. И еще. Каждый раз немного в сторону от той морали, к которой привык, ведь ты думаешь, что ничего плохого не случится, все будет по-прежнему – и не успеешь оглянуться, как сойдешь слишком далеко со своей дороги и окажешься…

Треттинец вновь указал на кладбище.

– Среди мертвых. Ты должна помнить о них всегда для того, чтобы остаться собой.

Она поднялась из постели и встала у окна, глядя на моги-

лы, частично занесенные песком, с ненавистью:

– Ты сражался с подобными мне? В прошлой жизни?

– Случалось. Они не были опасны, если выступали против нас один на один, но во время сражений… порой перетягивали победу на свою сторону, просто подняв мертвых солдат и снова бросив их в бой… В битве у Мокрого Камня некроманты едва не опрокинули нас. Почему ты спросила?

– Не хочу становиться такой.

– Значит, не станешь.

– Твоя вера в меня сильна.

– О да. Так я верил лишь в Тиона и Арилу. В тебе есть то же самое, что и в них.

– Что же?

– Воля. Радость. Свет. Стальной стержень. Я помогу тебе, Шерон из Нимада.

И он помогал, пока не ушел, оставив один на один с кладбищем, которое она чувствовала даже отсюда.

Шерон отвела взгляд от Поля Мертвых и посмотрела на запад, где, поднимаясь на скошенный утес каскад за каскадом, высился дворец герцога: с куполами небесного цвета, воздвигнутыми еще в конце прошлой эпохи. Город в городе, чьи алебастровые стены до сих пор воспевают поэты, а полководцы Дагевара спят и видят, как их обрушат.

Как-то, когда только знакомилась с Эльватом, девушка оказалась совсем рядом с территорией дворца, заблудившись в пыльной, горячей, сложной паутине полуденных улиц, пах-

нущих специями, фруктами, ароматическими маслами и дымом из тяжелых круглых курильниц. Всем тем, что было для нее в новинку – и даже книги, которыми она зачитывалась всю свою юность, не смогли передать ей реальную жизнь южного города.

Шерон прошла через цветущий гранатовый сад и очутилась возле белой стены, отполированной до блеска так, что в ней можно было изучить свое отражение. Ей очень захотелось коснуться лица зеркального двойника, и она, подчиняясь какому-то внутреннему чувству, сделала шаг вперед.

Указывающей показалось, что ее рука по локоть провалилась в камень и кожи коснулся горный поток, столь стремительный, свежий и бодрящий, что у нее закружилась голова. Она ощутила, как нечто странное, огромное и в то же время бесплотное, мягко обхватывает ее пальцы, словно во время рукопожатия и… Шерон испугалась, что еще чуть-чуть и ее утащат в зазеркалье, в бурную воду, а течение унесет ее далеко от Эльвата, высосав всю силу.

Что-то больно обожгло ее бок, заставив отшатнуться, и… вот уже она снова в просвеченном солнцем саду, хмурясь, потирает ладонь. Сунув руку в сумку на поясе, Шерон ощутила, как быстро теряют тепло игральные кости, выточенные из рога нарвала.

Она не стала ничего говорить Мильвио, так как обещала не подходить ко дворцу. И почти целую неделю ее преследовали сны, где огромный, сотканный из воды полоз зовет ее к

себе, просит отбросить сомнения и подойти поближе. Она не знала, что это, не боялась его, не испытывала никакой тревоги, чувствовала от силы скорее дружелюбие, чем ненависть, но не поддалась. И постепенно яркие сны погасли, а то, что жило во дворце, словно бы вновь впало в спячку, забыв о ее существовании.

– Думаю, на сегодня хватит. – Голос Шамси отвлек девушку от воспоминаний.

Она посмотрела на остывающий диск солнца, который острым краем едва касался западных утесов. Довольно рано. Обычно тренировка продолжалась до того момента, как небо становилось темно-фиолетовым, а на улицах зажигали жаровни.

– Сегодня в мой дом придет человек, который хочет увидеть мою младшую дочь. – Он впервые на ее памяти улыбнулся. – Если гость останется доволен, то через четыре месяца у нее будет новая семья.

Шерон улыбнулась в ответ и сказала, как это было принято в Карифе:

– Большая удача, когда дочь находит семью.

– Да. – Он внезапно нахмурился, повернув голову. – Не нравится мне ветер. Видишь? Небо на горизонте мутное. Идет гроза.

– Еще далеко, – беспечно пожала плечами Шерон. – Я успею вернуться.

Быстро собравшись, девушка завернула меч в плотную

ткань, чтобы никто не глазел на странную вооруженную чужестранку в карифской одежде.

Улица пахла жаренными в меду орехами и бараниной, обвалянной в специях, а еще переспелыми дынями, которыми торговали на углу. Недалеко от башни, опустив босые ноги в песок, возле деловито рывшихся рыжих голошеих кур, указывающую терпеливо ожидала маленькая служанка.

Агсан – низенькой и смуглой девчонке – недавно исполнилось одиннадцать, и она была пятой внучкой хозяйки дома, который снимала Шерон. Черноволосая, с четырьмя короткими неряшливыми косичками, вечно без обуви, с браслетами из стеклянных бусин, украшавшими тонкие запястья, она сама напросилась к Шерон в услужение и готова была работать за несколько медных ултов в неделю.

Указывающей не нужна была помощница, но девчонка оказалась настойчивой, донимала ее просьбами целую неделю, и Лавиани, усмехнувшись, как-то посоветовала:

– Все равно от тебя не отстанет и крутится рядом. А так хоть какая-то помощь по дому. Не я же должна здесь полы от песка подметать. Да и нашей «герцогине» постоянно нужен уход. Она нас с тобой не слишком-то жалует, неделями не разговаривает. Так пусть девица за ней смотрит. Кругом одни плюсы, посуди сама. Буду тыкать ей пальцем в грязную посуду и учить жизни. Всегда мечтала начать использовать рабский труд детей.

Впрочем, сойка быстро пожалела о своем предложении.

Агсан не желала ей подчиняться, лишь мрачно смотрела исподлобья, если Лавиани ругала ее за нерасторопность. Девочка признавала лишь приказы Шерон.

От нее, и вправду, была польза. И в хозяйстве, и в качестве сиделки, и как проводника по городу. Она водила Шерон по кварталам, показывая новые для чужестранки улицы, уча ориентироваться в лабиринте Верблюжьего рынка, Озера Специй, Загонов Туаре и других районов бедноты, протянувшихся вдоль Старого Королевского тракта.

Ей можно было доверить деньги, отправить за покупками на рынок, или попросить договориться с продавцами льда, или оставить на сутки с Бланкой, зная, что у той будет и вода, и еда, и, быть может, при должной удаче не самое дурное настроение.

Увидев указывающую, Агсан вскочила, решительно забрала завернутый в тряпку меч, сунула в высокую корзину, сплетенную из рафии. Носить клинок госпожи девочка считала чем-то вроде привилегии, а свою корзинку – самым надежным местом для хранения особо ценных вещей.

Далеко-далеко слабо и сухо прогремел гром.

– Не знала, что в пустыне бывают грозы, – сказала Шерон. – Дождь в Карифе, наверное, почитают за благо.

Агсан серьезно кивнула.

– Не боишься намокнуть?

– Нет, госпожа. Но сейчас не должно быть дождя. Слишком жаркое время.

– И все же он идет. А мы отправляемся домой. Если поторопимся, то вернемся до начала ночи.

Эльват ничуть не походил на Нимад и, прожив в столице Карифа достаточное время, указывающая до сих пор поражалась тому, насколько разная жизнь и судьба у этих городов.

Нимад вымирал с наступлением сумерек, и ночи в нем были тягостны и тревожны. Люди ждали и страшились появления синего огня, извещавшего их о том, что кто-то умер и в городе появился опасный заблудившийся. Ночь была злом. Тьмой. Распахнутыми воротами на ту сторону.

Здесь же, на юге истерзанного Катаклизмом континента, ночь считалась благом и чуть ли не даром Шестерых. Изнуренный дневной жарой город оживал, и его жители, не боявшиеся луны и звезд, заполняли улицы.

Гроза приближалась, гром ворчал все ближе, но находившиеся на центральных улицах не спешили расходиться по домам, беседуя, торгуясь, выпивая, обсуждая последние новости о большой войне, что началась между Горным герцогством и его соседями.

Шерон и Агсан все дальше и дальше заходили в Верблюжьи кварталы. Это был не самый людный район, с высокими стенами, по которым вились виноградные побеги; многочисленными лестницами; глухими, точно колодцы, внутренними дворами; бесконечным сушащимся бельем над головой;

сильным запахом курятников и хлевов; домами с плоскими крышами; глиняными желобами по обочинам земляной дороги, по которым текла сточная вода.

Агсан торопливо шла вперед, не оборачиваясь и не проверяя, поспевает ли за ней Шерон, топала босыми ногами, похожая на проворную букашку, целенаправленно преодолевая лабиринт сумеречных, плохо освещенных улиц, а огромная корзинка на ее спине маячила перед глазами указывающей, точно чудовищный горб.

Теперь им предстояло пройти старый участок Поля Мертвых, который клином врезался в жилой район, разделяя его на северную и южную части.

За забором, отделявшим мир живых от мира мертвых, не ухаживали уже долгие годы. Выглядел он плачевно, уцелели лишь отдельные фрагменты, сложенные из неровного камня, кое-где обмазанного глиной. Многие участки конструкции оказались сломаны эльватцами, забиравшими «бесхозные» камни для своих нужд и постройки домов.

Отношение к кладбищу, как уже успела убедиться Шерон, оставляло желать лучшего. В Летосе подобное пренебрежение считалось недопустимым. Никому бы и в голову не пришло разобрать кладбищенскую ограду для постройки овина или мельницы. Йозеф, узнай о таком кощунстве, спустил бы шкуру с любого жителя Нимада. В Эльвате же властям было наплевать, так как покойники уж точно жаловаться не станут.

Оказавшись на территории некрополя, Шерон внутренне поежилась, ощущая тревогу и чувствуя, как в левом виске начала то и дело появляться раскаленная искра.

Они шли, петляя среди рассыпавшихся от времени приземистых склепов, похожих на кубы, сложенные из плохо обожженного, крошащегося от времени кирпича. Он трескался, откалывался, стирался, превращался в красноватый песок, лежавший в аллеях между захоронениями и на пустырях среди исчезнувших могил. На их месте росла лишь сорная трава, привлекавшая сюда скот из города.

Поднялся ветер. Он горячо обжег кожу дыханием, и громыхнуло уже совсем близко. Агсан остановилась как вкопанная, повернулась на запад, откуда шла гроза, даже не заметив, что одно из колючих перекати-поле, потревоженных внезапно проснувшейся стихией, зацепило ей ногу, поцарапав лодыжку. Огромная, чудовищная туча, подсвеченная лучами заходящего солнца, горела ярко-оранжевым светом и в ее клубах то и дело сверкали молнии.

– Это не дождь. Ирифи! Ирифи идет, госпожа!

– Ирифи? С запада? Сезон же закончился!

– И все же это он, госпожа! Убийца караванов!

Жестокий восточный ветер нередко приносил на своих крыльях песчаные бури. Однажды ненастье накрыло город на неделю, и Шерон не могла покинуть дом, слушая, как надсадно воет ветер, как скребутся песчинки по стенам и крыше… На это время солнце исчезло, и в красноватом мраке

не родившегося дня карифцы рассказывали страшные истории о караванах, которые застала непогода, о движущихся барханах, похоронивших под собой десятитысячную армию, о тварях ночи, что приходят с песком.

Возвращаться назад, в город, чтобы попросить убежища в первом же доме, не имело смысла. Слишком большое расстояние они прошли от жилых районов, да и ветер тогда будет бить им в лицо. До их жилища было гораздо ближе. Так что указывающая приняла верное, на ее взгляд, решение:

– Вперед!

На ходу Шерон вытащила из сумки длинный отрез ткани цвета индиго, полила его водой из фляги, повязала вокруг шеи, затем головы, как ее научили местные, создав некое подобие одновременно вуали и платка, защищавшее лицо и оставлявшее открытыми лишь узкую прорезь для глаз. Служанка сделала то же самое со своим шейным платком.

Босые ноги Агсан не разбирали дороги. Ей, кажется, было все равно, на что она наступает – на высохший навоз, колючки, могильные камни или мелкие фрагменты старых косточек, которые порой оказывались в сухой земле.

Девочка то и дело оглядывалась на тьму, полностью закрывшую небо. На них, на первый взгляд медленно и неспешно, ползла плотная, клубящаяся масса пыли и песка, которая уже преодолела крепостные стены Эльвата.

Ветер, настоящий ветер, а не то горячее дыхание, что до этого касалось их, настиг за ступенчатой пирамидой мавзо-

лея, верхушка которого все еще ловила на себе последние розовые отблески умирающего солнца.

Порыв – сильный толчок в спину – заставил Шерон покачнуться, податься вперед. Она опустила голову, чтобы защитить глаза. Мир из серо-лилового на мгновение стал ярко-желтым, затем охряным, темно-оранжевым и, наконец, грязно-коричневым, почти черным. На кладбище влетел ирифи.

Агсан что-то сдавленно крикнула, и указывающая схватила ее за руку, притянула к себе, сжала зубы, ощущая, как острые песчинки, точно тысячи маленьких злых насекомых, бьют по открытым участкам кожи. Она пошатнулась под очередным порывом, потащила девчонку направо, где в дымке угадывалось ребро пирамиды, под прикрытие ее стены, двигаясь точно краб, чтобы не поворачиваться лицом к ветру.

Довольно быстро отыскала низкую нишу, через которую внутрь пирамиды когда-то внесли умершего. Места достаточно, чтобы разместились двое, прижавшись спинами к стальной решетке, преграждающей вход в усыпальницу.

Шерон чувствовала останки хозяев этого дома, как и кости тех, кто располагался в соседних могилах, сейчас скрытых от нее за пылевым облаком. Она ощущала их так, словно эти безымянные, давно ушедшие на ту сторону люди, были частью ее тела. Указывающая могла с легкостью дотянуться до каждого из них через толщину могильных плит, изнывающую от отсутствия влаги землю и истлевшие саваны.

Некрополь хранил память о тысячах мертвых. Дар некроманта рвался к останкам, и девушка почувствовала себя так, словно стоит на краю морской скалы и вот-вот упадет в бурное море. Голова продолжала болеть, а в желудке появилась слабая резь, ее призрак, предвестник голода.

Шерон знала, что сможет справиться с ним, как много раз делала это раньше, но все же стоило уйти отсюда на тот случай, если ее способности, опьяненные старой смертью, найдут лазейку в твердой броне хозяйки.

– Мы должны идти, – наклонившись к уху служанки, сказала девушка. – Ирифи крепчает, скоро буря будет такой сильной, что мы не сможем стоять. К утру нас засыплет.

– Мы заблудимся, госпожа! Ничего же не видно! Очень опасно выходить из укрытия! Очень!

– Не заблудимся. Я выведу нас. Но ты не должна бояться того, что сейчас будет. Понимаешь?

Девочка кивнула, но Шерон видела в ее темных глазах лишь страх. Она заставила Агсан снять с плеч тяжелую корзину, которая сейчас только мешала, забрала из нее меч, завернутый в ткань, передав спутнице.

– Не потеряй. Ты за него отвечаешь.

Из сумки указывающая достала игральные кости, на несколько мгновений сжала в кулаке, а затем, бросив перед собой на камни склепа, слабо щелкнула пальцами.

Служанка расширила глаза от удивления, видя, как кубики шевельнулись и точки на них загорелись белыми огонь-

ками.

– Что это?! Волшебство?!

Шерон помнила, о чем ей говорил Мильвио. Чтобы она никогда не показывала чужакам своих способностей. Даже тем, кому, как считает, можно доверять. И она выполняла его наказ до этой самой минуты.

– Нет. К сожалению, не волшебство, – мягко улыбнулась та, но затем поняла, что девочка не может видеть ее лица из-за плотной повязки. – Ты же помнишь, что я с Летоса?

Последовал быстрый кивок.

– Такие кости есть у каждого в моей стране, чтобы, если мы заблудимся ночью, они привели нас к дому и защитили от мертвых.

Ложь была так себе. Глупой. Но сейчас Шерон не могла придумать ничего лучше и понимала, что ей придется серьезно поговорить с Агсан и как-то убедить не рассказывать об этом всем подряд в квартале. Задача почти невыполнимая и куда более сложная, чем найти эйва среди отребья Пубира.

– …Готова?

– Да.

– Ничего не бойся. Я тебя не отпущу.

Шерон взяла девочку за руку, и они вошли в бурю беснующегося песка, точно люди, поднимающиеся на эшафот. Их тут же ударило в бок, закрутило, но Шерон решительно, пускай и медленно двинулась вперед, следуя за тусклыми белыми точками, которые, как путеводные маяки, вели ее за со-

бой.

Они были их надеждой, которая то исчезала под слоями наносов, то вновь появлялась, упорно петляя среди древних могил.

Ей не удалось защитить глаза, и песок все же попал в них, что делало путь еще сложнее. Откуда-то издалека, искаженный ветром, долетел крик, чем-то похожий на оборвавшийся вопль чайки. Она сразу поняла – крик человеческий, и в следующее мгновение мозг пронзила вспышка боли.

Шерон почувствовала, что кто-то умер.

А затем… еще одна смерть.

Ирифи, который только пришел, не мог за несколько секунд убить сразу двоих. К тому же кости, раньше медленно катившиеся, теперь в нерешительности остановились, словно кто-то преграждал им путь.

Агсан прижалась к ее бедру, стараясь укрыться от ветра, брела вслепую, точно недавно родившийся котенок, полностью доверяя девушке. Поэтому она не увидела то, что разглядела Шерон среди волн песка, накатывающих на кладбище, подобно бурному морю, набрасывающемуся на старый пирс во время шторма.

Нечто крупное, мало похожее на человека, собранное из мрака, прятавшегося под покровом ненастья, неспешно шло через некрополь, аккуратно перешагивая склепы. Оно скорее угадывалось там, впереди, походило на призрак. Кости откатились назад, к ногам девушки, словно прося ее подо-

ждать, не торопиться.

Жуткое нечто прошло мимо, не заметив путницу.

Спустя несколько мгновений кости снова покатились, зовя хозяйку следовать за ними.

К тому моменту как они выбрались из висящего в воздухе дыхания пустыни, самой ее сути, сотканной из мириад мелких частиц, Шерон потеряла всякое представление о расстоянии и времени. Она просто упорно шла вперед, стараясь держаться к ветру спиной, использовать для защиты стены склепов и пирамид, сгибаясь под особенно сильными порывами на открытом пространстве и прижимая к себе девочку.

Когда перед Шерон появилась кладбищенская стена, указывающая с облегчением вздохнула. Кости спасли их, вывели, точно опытная собака-поводырь.

Она двинулась вдоль преграды, пока не нашла знакомый пролом, через который много раз ходила, и в этот же миг ощутила еще одну вспышку чужой смерти. Кто-то рвал струны человеческих жизней со столь равнодушной бесцеремонностью, что ее охватила злость.

Это случилось совсем близко от них, так что девушка ничуть не удивилась, когда через пять десятков шагов наткнулась на тело, которое уже заносил песок, впитывая растекающуюся кровь.

Растекшуюся вокруг двух половинок человека, поправила себя Шерон. Кости осторожно обогнули мертвого, и при-

шлось подтолкнуть застывшую Агсан, чтобы та продолжила идти.

Оставалось совсем немного. Она узнавала улицу, дома с запертыми дверьми, калитки, ограды, повороты, все ближе и ближе подходя к спасительному жилищу.

Девочка внезапно дернула Шерон за руку, заставляя наклониться к ней, сказала громко:

– Не сюда! В этот проход! Ближе!

– Прости, но я доверюсь костям, а не тебе!

– Твои кубики из другой страны! Я знаю город лучше!

Возможно, это было так. Возможно, есть путь короче, но игральные кости всегда вели ее самой правильной дорогой. И она не собиралась отказываться от их помощи.

Своенравная Агсан вырвала руку и бегом юркнула в узкий темный проулок.

– Рыба полосатая! – неожиданно для себя сказала Шерон, чувствуя злость. – Тебя точно следует выпороть, как советовала Лавиани! За ней!

Вой ветра, сдерживаемый высокими стенами проулка, стал глуше, а песок, носящийся в воздухе, реже.

Лестницы, каждая по десять ступеней, заканчивающихся маленькой площадкой, каскадом поднимались вверх, теряясь среди нагромождения неуютных, грубых зданий.

Она догнала девочку, даже не запыхавшись, дернула за плечо:

– Что ты творишь, Шестеро тебя возьми?!

– Тут быстрее! – упрямо ответила та. – Ирифи опасен! Мы должны торопиться.

– Быстрее не значит безопаснее, глупая! На коротких тропах бывают чудовища! Ты видела мертвого?! Здесь кто-то есть! Кто-то опасный! А ты бегаешь! Не стой столбом! Иди уже!

Старое засохшее абрикосовое дерево, погасшая кованая лампа над чужими воротами, заброшенный колодец, накрытый сверху грубыми досками. Почти пришли.

– Погоди! – сказала Шерон, провожая взглядом пролетевшее мимо насекомое, совершенно неуместное в этом месте и в это время.

Кузнечик?

Мрак шагнул на них из подворотни, закрыв дорогу. Он был высоким, выше Кама, с которым когда-то ей пришлось столкнуться. Изогнутая, горбатая нечеткая фигура, облаченная в балахон, сотканный из пыли и праха. Ни глаз, ни лица. Голова все время была в движении, текла, точно песок с потревоженного склона бархана.

– Сулла! Это сулла! – закричала девочка. – Беги, госпожа! Беги!

Она юркнула под рукой Шерон, пытавшейся удержать ее, бросилась прочь и, прыгая через ступени, скрылась в буре вместе с таким нужным сейчас мечом.

Указывающая слышала старые сказки Карифа о порождениях Катаклизма, существах, живущих в самых гибельных

уголках пустыни. Про них много рассказывали. То, что они приходили в худшие дни мира, опустошали целые деревни, пожирали караваны, принимали облик погибших близких, выедали глаза поселялись в колодцах, чтобы хватать тех, кто осмелится прийти за водой.

Указывающая не стала убегать. Кости подпрыгнули в воздухе, повиснув на уровне пояса хозяйки. Один из кубиков полетел направо, описав круг, другой – налево. Они слились в сияющий обруч.

Сулла не был заблудившимся. Не являлся шауттом. И в то же время она чувствовала в нем дыхание той стороны, один из ее темных ликов.

Шерон не боялась возвышающейся над ней фигуры, но, когда та внезапно шагнула к ней размашистым движением, стелящимся над землей, отшатнулась назад. Темная рука появилась из ниоткуда, упала на жертву, задев белый обруч, и рассыпалась песком, который тут же подхватил ветер.

Теперь уже сулла отступил, и Шерон показалось, что он шипит от злости и удивления. Она быстро сократила расстояние, заставляя стилос в левой руке засиять.

И существо не выдержало, подпрыгнуло вверх, плащ распахнулся широкими черными крыльями, и ирифи унес свое дитя в темное, безумное небо.

Кости упали, плавя песок, которого касались, из-за той силы, что получили, и ожидая нового приказа, пока Шерон делала тяжелый выбор. Агсан убежала уже во второй раз и те-

перь находится среди песчаной бури. Сулла уцелел, он где-то здесь и, даже раненый, все еще способен причинить вред жителям.

Эльват не ее город. Она ничего ему не должна. Но указывающая путь – та, кто защищает людей от зла, и Шерон не могла так просто все бросить. Йозеф, узнай он о том, что любимая ученица отступила, никогда бы ее не понял. Да и она себя бы не простила.

Сложный, но такой простой выбор: жизнь девчонки или же жизнь множества людей, до которых может добраться темная тварь.

Шерон в первую очередь указывающая, и ей следует выполнять свою работу. Не важно, что это не Нимад. Не важно, что перед ней не заблудившийся. Не важно, что девушка не давала клятву защищать живущих здесь.

А Агсан… Стоит надеяться, что служанка найдет укрытие, где переждет опасность.

– Найдите мне его! – приказала она костям, и те тут же запрыгали по ступеням вверх.

Они катились все быстрее и быстрее, торопясь и сияя в темных узких переулках, точно глаза ночного хищника, отразившие свет факела. И гротескная тень Шерон прыгала по стенам, становясь то огромной, подавляющей, то совершенно миниатюрной, жмущейся к ногам. Кости нетерпеливо остановились перед калиткой с грубой чеканкой, изображавшей павлинов, поедавших упавшие яблоки.

Перед ее калиткой.

Она, холодея, повернула ручку и вошла во двор, изучая погруженное в темноту квадратное двухэтажное здание. Дверь была выбита и, прежде чем войти, указывающая воткнула в землю стилос, закрывая выход с территории и надеясь, что на сулла это подействует точно так же, как и на заблудившегося.

Ее глаза, легко воспринимавшие мрак, сотканный из множества оттенков серого, пытливо выискивали признаки опасности.

Стены короткого прямого коридора показались ей странными и шершавыми, совсем иными, чем те, что она помнила. Пришлось обратить на них куда более пристальное внимание и разглядеть, что это такое.

Каждое свободное пространство всех поверхностей, кроме пола, занимали насекомые. Те самые, что она видела чуть раньше.

Не кузнечики. Нет.

Саранча.

Она, казалось, впала в спячку, сидела не шевелясь, даже когда девушка коснулась жестких крыльев одной из них. Этих тварей в доме было несколько десятков тысяч, и все они чего-то ждали.

Шерон сдула с левой ладони невидимую пыльцу, и та осела на головах, странных глазах, усиках, лапках и крыльях белым мерцающим пятном среди серо-стального живого ков-

ра.

Указывающая еще четырежды провела тот же ритуал, пока кралась, направляемая костями, в глубь многокомнатного дома, а затем вышла в широкий холл, устланный коврами, где часто проводила время, пережидая часы дневной жары.

Окна были распахнуты, и ирифи резвился с тонкими занавесками, забрасывая с улицы пыль. Огромная бесформенная фигура восседала на столе, точно ворона, обожравшаяся мертвой плоти. Сулла повернул голову в ее сторону, и где-то на втором этаже раздался глухой удар, а затем тихий вскрик.

Но Шерон была слишком заворожена лицом, которое наконец-то смогла разглядеть.

Простое. Закаленное солнцем. Продубленное морскими ветрами. С яркими голубыми глазами и волевым подбородком. Чуть рыжеватые волосы, как у многих, кто родился на Летосе. И… такой знакомой улыбкой. Сейчас показавшейся ей не привлекательной, а отвратительной и жуткой.

Лицо Димитра. Демон пустыни принял облик того, кто был ей когда-то дорог.

Сулла резко встал – ему, высоченному, пришлось сгорбиться, чтобы голова не разбила потолок, – а затем шагнул к ней. Она, забыв об игральных костях, повернулась и бросилась прочь, на улицу. Убегая, Шерон слышала, как он нагоняет ее, и в этот момент пыльца, оставленная ею на стенах, начала беззвучно взрываться.

Ярко-белые вспышки одна за другой, точно огненные аст-

ры, распускались за спиной указывающей, заманившей сулла в ловушку. Саранча с неприятным треском сотнями сгорала, и ее крылышки падали с потолка, крутясь в воздухе, словно кленовые семена.

На крыльце она остановилась и повернулась, смотря, как искалеченная фигура, лишившаяся ног, ползет к ней, подтягиваясь на руках.

Все еще Димитр. Такой близкий, родной и… совершенно чужой. Ее не тронуло его искаженное от боли лицо. Она испытывала не жалость, а злость. Глубокую ярость, что эта мерзкая тварь осмелилась брать ее память и ее потерю.

Руку Шерон охватило белое пламя, и она швырнула его в сулла. Личина твари сгорела, распалась на сотни лапок, телец, жвал саранчи. Он перевернулся на спину, выгнулся дугой, забился в припадке, а его руки, все еще опасные, хватали пустоту, пытаясь дотянуться до нее.

Шерон тихо свистнула, точно подзывая охотничью собаку, и кости, ждавшие в холле, покатились к хозяйке, оставляя за собой белый след, тонкие нити, липнущие друг другу, путающиеся между собой, заполнившие коридор.

Кубики закрутились вокруг поверженной твари, оплетая коконом света, пока порождение той стороны не скрылось в нем, и подкатились к девушке, протягивая к ее ногам последнюю нить.

Шерон взяла ту левой рукой, намотала на запястье, потянула, чувствуя, как она врезается в кожу, а затем и режет ее.

Но даже несмотря на боль не остановилась, стягивая капкан, чувствуя сопротивление того, кто попал в него.

Сильнее. Еще сильнее. Пока нити разом не лопнули с тем звуком, когда неумеха всей рукой дернул струны лютни, совершенно не зная, как на ней играть. Указывающая подалась вперед, чтобы увидеть то, что осталось от сулла, но там был лишь песок, раздавленная саранча и странный череп, больше подходящий шакалу, чем человеку, похожий на расплавленный оникс.

Из комнаты Бланки Эрбет лился тусклый свет, воспринимавшийся зрением указывающей как мерцание, которое постоянно меняло цвет.

Розовый, кобальт, зеленый, желтый, оранжевый, серый, бордовый…

Она распахнула дверь и замерла на пороге, быстро оценивая ситуацию.

И без того маленькая комната незрячей стала еще тесней. Сулла, такой же огромный, как его товарищ, стоял согнувшись, касаясь головой потолка и тянул руки к сидевшей на полу женщине, которая прижимала к себе фигурку Арилы, найденную когда-то Тэо.

Статуэтка в руках Бланки излучала странное сияние, и по стенам ползли нелепые тени, точно комната находилась глубоко под водой и огромные водоросли, а может быть, щупальца неизвестного существа, словно нити колышутся в такт неощутимому течению.

Здесь каждый дюйм был пронизан необычной силой, природы которой Шерон не понимала. Она была не злой и не доброй, но столь мощной, что пламя на ее левой руке стало слабеть, а кости не смогли вкатиться в комнату, как будто кто-то невидимый отталкивал их.

То же самое происходило и с сулла.

Он пытался дотянуться до Бланки, но наткнулся на невидимую преграду и шарил когтистыми руками, стараясь найти брешь в этой нелепой обороне.

– Эй! – позвала Шерон. – Оставь ее!

Сулла повернул голову, и его лицо потекло, изменилось, став лицом старой Ауши. Взгляд старухи впился в указывающую, но Шерон не дрогнула.

И тогда Аушу сменил Йозеф.

– Ах ты, гадина! – процедила девушка.

В Карифе считают, что сулла показывают живым лишь мертвых, но девушка не желала верить в то, что ее учитель мертв.

Она позволила схватить себя за левое запястье, и дар, «прижатый» сиянием статуэтки, оплел белым светом всю ее руку, стал вязким, так что сулла попал в патоку, точно муха.

Очень большая муха.

Шерон, чувствуя, что ее ноги отрываются от пола, на мгновение пожалела, что оставила стилос перед домом. Прежде чем она успела что-то сделать, Бланка вскочила и с силой стукнула фигуркой Арилы по расстеленному ковру, и

по всему дому пробежала дрожь, низкая, отдавшаяся в висках Шерон зудящей болью.

Сулла, не удержавшись на ногах, полетел вперед, сломав деревянные перила, и указывающая разорвала контакт, освобождая руку за мгновение до того, как он рухнул вниз, в холл. Он валялся там, слабо барахтаясь, оглушенный и совершенно растерянный, пока еще не опасный, и саранча на стенах громко шуршала сухими жесткими крыльями, волнуясь.

Она спустилась по ступеням, прыгая через одну, и оказалась рядом с незваным гостем в тот момент, когда тот начал подниматься, отряхиваясь от льющегося на него белого света, как отряхивается от влаги мокрая собака. Шерон ударила кулаком левой руки прямо в висок уже вставшего на колени Йозефа, легко проламывая магией ониксовую кость и быстро отворачиваясь от облака песка и шелестящей, разлетавшейся прочь саранчи, покидавшей дом через окна и двери.

Скрестила руки, копя силу, а затем выплеснула ее, и холодный огонь некроманта разошелся во все стороны, сжигая подушки, диван, занавески, насекомых и ту единственную саранчу, в которой пытался скрыться, убежать от нее сулла.

Ониксовый череп разбился, ударившись об каменный пол, острыми зеркальными осколками рассыпался – Шерон победно зарычала, и сама испугалась своей реакции. Злости. Той звериной радости, такой несвойственной ей, которую она испытала, убив это существо.

Чувствуя слабость, ту самую, что когда-то вынудила ее слечь в постель во времена, когда она собиралась преодолеть с друзьями перевал Мышиных гор, Шерон все же заставила себя двигаться.

– Бланка! – крикнула она снизу. – Бланка!

Раздались шаги. Затем сверху, прямо над ней, сказали:

– Я в порядке.

– Я убила его.

– Слышала. Ты ранена?

– Нет. Но мне надо отдохнуть. Справишься без меня?

– Я собираюсь сидеть там же, где обычно. И мне ничего не надо. – Незрячая, осторожно ступая, вернулась в комнату.

Ощущая, как лихорадка просыпается в ее теле, Шерон шепнула костям:

– Охраняйте.

Она провалилась в тяжелый сон на покрытом песком полу, под вой ирифи, полностью захватившего Эльват.

Глава третья
Червь

Эти пещеры точно огромный подземный город! Я был восхищен бесконечными огнями на всем пути, в каждый день моего путешествия. Волшебники создали что-то невероятно прекрасное, каждый камень сияет, и люди путешествуют по подземным дорогам, не уставая поражаться тому, что можно сделать с помощью магии. Червь – самое прекрасное, что я видел по эту сторону Великих гор.

Из записок неизвестного путешественника, найденных в Каренской библиотеке

– Мы постараемся увести их, родич, – сказал да Мере на прощанье, когда знамена баталии хлопали на утреннем свежем ветру. – Заберем с собой как можно больше.

– Я помню Эрика, – сказал тогда Дэйт. – Он расчетливый малый, и, если ему представится шанс уничтожить целую армию и крепости, чтобы без потерь завладеть крупнейшим южным кантоном Горного герцогства, он им воспользуется. Надо всего лишь немного попотеть и сбросить с вершины огромный булыжник.

– Твои ребята заставят его попотеть гораздо сильнее, чем «немного». Увидимся, милорд да Лэнг. Передам приветы твоей сестре и моей жене. И выполню свое обещание, если

Шестеро будут не с тобой в этом бою.

Да Мере дал слово, что позаботится о дочерях Дэйта и возьмет на себя все обязательства отца, когда им настанет пора выходить замуж.

С тех пор прошло больше двух недель. Солдаты жили во мраке, освещаемые слабым светом редких костров. За последние месяцы рабочие барона принесли достаточно дров, угля и масла, но их берегли, не зная, сколько времени придется провести здесь, когда поставок с поверхности, захваченной противником, уже не будет.

Еды тоже было достаточно, почти полноценная замковая кладовая, а воды – целое озеро. Оно располагалось в глубокой каменной ложбине недалеко от их лагеря, питаясь от невидимых подземных ключей, а затем маленьким журчащим водопадом стекало в пропасть.

Мастер Рилли, обстоятельно изучив запасы, одобрительно покивал:

– Барон не поскупился, сиор. С таким «погребом» мы легко просидим здесь два месяца, а если будем экономить, то и все пять. Приятно иметь дело с заказчиком, который думает о тех, кого он нанял. Предусмотрительность да Мере вызывает у меня уважение. Сразу видно, что он начал готовиться задолго до того, как мы вступили в сражения. Люди говорят, с того дня, как шаутты убили двух старших сыновей вашего герцога.

Наемник был прав.

Свояк Дэйта, как хранитель юго-восточных рубежей хребта Кинжала, развил активную деятельность сразу после печальных событий в Шаруде. И как оказалось – не ошибся.

Все происходило стремительно, организовав покушение на Рукавичку, сбежавший в соседнее герцогство Эрик объявил правителя, своего родственника Кивела да Монтага, отступником и предателем родины. Мало того, что тот женился на чужестранке, карифке, так еще и нарушил многовековую традицию и покинул Шаруд, где должен был находиться хоть кто-то с кровью его рода. Он принял помощь асторэ, чудовища, выродка, твари, которая ничуть не лучше шауттов или пустых. Он отвернулся от Шестерых ради Вэйрэна, асторэ из прошлого, бросившего вызов установленному порядку, и, возможно, теперь герцогом управляет тьма. А значит, у графа Эрика да Мон есть все права на Львиный трон.

«Претендента» поддержали и Фихшейз и Ириаста, давно мечтавшие отомстить соседу за захват Брокаванского перешейка и поражение в прошлой войне. Они поспешно объявили да Монтагов еретиками, предавшими веру в Шестерых, отвернувшимися от света и опасными для соседних стран.

…Тяжелый путь к Червю Дэйт запомнил надолго. Отряд вошел в узкое мшистое ущелье, сочившееся влагой из-за бесконечных водопадов, оседающих туманом на хвощах и папоротниках, растущих по берегам ледяной быстротечной реки.

Дорога была старой, едва угадывающейся среди сосен, местами заваленная камнепадами, переломанными деревьями от сходов лавин – и труднопроходимой из-за ручьев, разлившихся во время осенних дождей. Подводы застревали, их приходилось нести чуть ли не на руках.

Люди выбивались из сил, торопились, а дозорные, двигавшиеся в арьергарде, докладывали, что враг остановился у входа в ущелье и в его отряде почти пять сотен человек. Фихшейзцы и перешедшие на их сторону солдаты Эрика медлили, то ли подозревая ловушку, то ли дожидаясь подкрепления, в то время как основные силы спешили за баталией да Мере, надеясь не дать ей уйти за Драбатские врата.

Вход в гору был практически незаметен. Дэйт ожидал какую-то дверь, или же статуи, или хоть что-то подходящее месту, где когда-то ходили волшебники. Но это была обычная расщелина, узкая, рваная, до сих пор с острыми краями, как будто скала лопнула от сильного удара, точно переспелый арбуз.

Сразу за ней начался долгий спуск. Тесные коридоры сменялись гигантскими пещерами, множащими эхо дыхания солдат, шагов и лязга железа. Эхо пугало летучих мышей, они метались над людьми в хаотичном безумном танце, но потом, по мере удаления от входа, животные исчезли. Было холодно и очень сыро. Иногда из каких-то невидимых ответвлений начинали дуть ледяные сквозняки, и тогда порой раздавался тонкий, протяжный вой ветра, так похожий на

скулеж раненой собаки, от которого становилось не по себе, словно это шаутт решил напугать пришедших сюда.

Факелы то и дело выхватывали из мрака фрагменты огромных залов и извилистых коридоров. Влажные стены, провалы ведущие в никуда, лужи с темной водой, внезапно спускающиеся с потолка карнизы, о которые можно разбить голову, петляющие тропы, расходящиеся в каменном лесу из сросшихся сталактитов и сталагмитов.

Воины спускались больше двенадцати часов, последний отрезок пути еле-еле преодолевая с помощью веревок, почти три сотни ярдов по наклонной поверхности, совершенно ненадежной, скользкой, отполированной миллионами капель воды.

Дэйт потерялся среди мрака и холода и просто шагал вместе со всеми, редко поднимая голову, стараясь смотреть под ноги, чтобы не упасть. Он не заметил, как оказался в пещере, растянутой на целую лигу, а может, и больше. Сперва почувствовал легкий запах дыма, а после разглядел за сталагмитами далекие мерцающие огни, похожие на мелкие рубины, пропускавшие через себя солнечные лучи.

Туннель множился, несколько дорог уходило влево, и Дэйт понял, что это тропы к остальным мостам, переброшенным через Улыбку Шаутта.

Навстречу им вышли несколько вооруженных солдат.

– Кто командир? – спросил Дэйт.

– Я, милорд. Я Зидва, – ответил ему один из них, тощий,

с грубым лицом и тяжелой челюстью.

– Будь рядом. Тавер, – позвал он своего лейтенанта. – Все, кто мне нужен, должны быть у этого костра через десять минут. Люди пусть отдохнут, но не раскладывают вещи.

– Милорд? – не понял его помощник, но Дикай, хоть и был всего лишь оруженосцем, ткнул старшего товарища в бок, показывая, что не надо сейчас просить разъяснений. – Будет сделано, милорд.

Через десять минут уставший Дэйт, которому предоставили вместо стула пустой пивной бочонок, сидел возле костра, рассматривая людей, с которыми должен был вместе сражаться.

Дикай здесь был на правах личного оруженосца господина, стоял на границе света и просто слушал, наклонив кудрявую, бычью голову так, чтобы не пропустить ни единого слова. Он был из молодых дворян, что обычно дежурили в ночной страже в залах перед покоями герцога или герцогини, и сам напросился в поход. Парень, четвертый сын в семье, собирался устроить свое будущее, а потому отправился воевать, надеясь заслужить и земли, и титул.

Тавер, второй по старшинству после Дэйта, опытный воин из западного кантона, состоял в гвардии его светлости уже давно. Надежен как гора, грамотно руководил людьми, и те без колебаний исполняли его приказы. Ему доверяли и его любили. Дэйт был уверен, что, если с ним что-то случится, Тавер вполне способен взять командование на себя и помочь

солдатам не только выжить, но и победить.

Людей да Мере, пятьдесят человек, присоединившихся к отряду Дэйта, возглавлял мастер Харги, второй сотник баталии. Это был невысокий человечек с большой головой, длинными сальными волосами и грустными глазами старого пса, совершенно не похожий на воина. Он говорил редко, лишь по делу или когда ему задавали вопрос, больше слушал и казалось, что спал на ходу. Внешне вялый, уставший, желающий, чтобы его оставили в покое, мастер Харги поначалу злил Дэйта своей пассивностью, и он слабо представлял его в качестве сотника. Это впечатление рассеялось в первом весеннем бою, на берегу Жемчужного моря. В схватке мастер Харги преображался и зычным басом командовал сотней пикинеров, входил в раж, да так, что его помощники буквально выдергивали невысокого командира из-под тяжелых двуручников фихшейзцев, пытавшихся перерубить пики и разорвать строй баталии.

Наемник мастер Рилли вместе со своим старшим сержантом, высоким статным треттинцем, сидели ближе всего к огню, и Дэйт отметил, что внешне они выглядят гораздо более бодрыми после долгого пути через пещеры, чем все остальные его воины.

Также на совете присутствовал Зидва, оказавшийся не солдатом, а егерем барона, который с несколькими людьми был отправлен к Червю защищать бригаду рабочих. По мнению Дэйта, лесники, даже вооруженные, вряд ли могли про-

тивостоять опытным воякам, случись серьезная рубка, но он понимал свояка – тот поставил сюда того, кого смог найти, не ослабляя баталию и горные гарнизоны потерей настоящих воинов.

Последним участником встречи оказался старший каменщик барона да Мере, которого все звали Скворцом. Он был самым старым из присутствующих, с курчавой седой бородой и волосами, покрытыми каменной пылью, с грязными щеками и лбом, которые он то и дело безуспешно пытался вытереть рукавом шерстяного свитера грубой вязки. Даже сейчас Скворец не расставался с тяжелой киркой, и на землистом лице застыло хмурое недоумение: зачем вообще его отвлекли от работы?

– Мастер Скворец, – обратился к нему Дэйт первому, чем несказанно удивил. – Какие у вас успехи?

– Зидва тут старшой, милорд, – буркнул каменщик. – Я говорить не мастак, уж простите.

Дэйт кивнул, показывая егерю, что тот может ответить. Первоначально он планировал отчитать его за полную безалаберность – Зидва не выставил постов, у него не было разведки, укреплений, и то, что творилось в лагере, начальнику охраны герцога совсем не понравилось. Но Дэйт, несмотря на свою усталость, сдержался, хотя ему очень хотелось на ком-нибудь сорваться: умом он понимал, что нет смысла распекать человека, да еще и в присутствии других – даже если тот виноват. Подобные действия никак не помогут наладить

отношения с новыми людьми.

Зидва егерь. Он знает лес, может загнать зверя и поймать браконьера. Но он ничего не понимает в войне. Даже если сказать ему сейчас: «А если бы первыми пришли не мы, а враги?» – он не увидит проблемы. Ведь враги не пришли…

Так что точка. Надо двигаться дальше, а не пережевывать то, что не случилось.

– Из шести мостов разрушены три, милорд. Последний мы сломали сегодня утром, за четыре часа до вашего прихода.

Тавер буркнул:

– Сколько здесь уже идут работы? Третий месяц?

Всем было понятно, что он хотел сказать, и мастер Скворец, который «говорить не мастак», тут же буркнул:

– Не Шестеро мы, господин. Ломать-то оно, конечно, не строить… Но только не то, что создали волшебники. У меня из волшебства только сорок работников с кирками, кувалдами, молотками, клиньями, да сверлами и огнем. А мосты… сами гляньте. Там порода сплавлена в единый камень, укреплена и закалена, точно твое железо. Они только на первый взгляд тоненькие, да воздушные. И нельзя нам обрушить лишь секцию, иначе фихшейзцы ее просто восстановят. Надо сносить обе опоры, а это занимает в два раза больше времени.

– Вас никто не обвиняет, мастер Скворец, – произнес Дэйт. – Вы сделали очень много, удалось обрушить половину переправ через Улыбку Шаутта. Как вы думаете, сколько

времени вам надо на оставшиеся три?

Каменщик пожал широкими плечами:

– Мы греем камень, остужаем его, рассверливаем по трещинам, вбиваем клинья, снова нагреваем, сверлим и стучим. Если очень повезет, то обрушим следующий за две недели.

Мысленно Дэйт выругался. Две недели сейчас – это почти вечность. Возможно, у них просто нет столько времени.

– А оставшиеся?

– Даже не начинали работу, милорд. Людей у меня мало. Мы с Зидвой решили, что лучше уделить внимание одному, чем разбежаться по всем и не добиться никакого успеха. Здесь нужны сотни рабочих и хорошие мастера, чтобы управлять ими, стало быть. А у меня четыре помощника, шесть подмастерьев, а все остальные – работники, худо-бедно понимающие в камне. Те, кого барон успел набрать по кантону за несколько дней. Простите, милорд. Но обрушить мосты волшебников быстро все равно что сточить зубами замковую стену за день – не выйдет. Людям тоже нужен отдых, я их гоню, конечно, они почти не спят, а потому допускают ошибки. Вчера связка из трех мастеровых улетела в пропасть только из-за того, что один из них не проверил надежность крепежа.

– Пока не начались битвы, я отправлю часть солдат вам в помощь. Дадите им молотки и покажете куда бить, – принял решение Дэйт.

– Могу ли я сказать, милорд? – спросил мастер Харги.

– Можете говорить смело, сотник.

– Если солдаты будут выбиваться из сил сейчас, на этих работах, то драться смогут хуже, чем могли бы.

– Все верно. Но если мы не обрушим мосты, то будем сдерживать врагов до бесконечности, пока нас всех не перебьют. Им-то с поверхности пришлют свежие силы. А нам – нет. И мастеру Скворцу придется работать под обстрелом их лучников. Лучше сделать все, что мы можем, до той поры, пока у нас есть такая возможность.

– Ваша правда, милорд. Вы позволите разделить солдат по сменам, чтобы у нас всегда были свежие силы?

– Позволяю. Опросите людей. Может, у кого-то есть опыт каменщиков в прошлом. Их сразу к мастеру Скворцу. Остальных разделим на отряды, распределим между мостами. Кто-то отдыхает, кто-то работает. Назначьте дежурных, проверьте, чтобы люди были обеспечены едой, водой и теплом.

– Сделаю.

– А мои парни, сиор? – Капитан арбалетчиков смотрел с иронией. – Они тоже будут махать кирками?

– Герцог платит вам не за это, мастер Рилли, и в вашем контракте нет таких требований. Долбить камень вы будете лишь в том случае, если у вас возникнет к этому желание. Но все должны помнить, чем скорее мы сломаем переходы на противоположную сторону пропасти, тем быстрее начнем путь на поверхность.

Треттинец задумчиво потер подбородок:

– Я обсужу это с моим отрядом.

– Тавер. Распредели солдат между мостами. Три группы. В каждой должны находиться стрелки. Мастер Рилли, будьте любезны помочь.

– Сделаю, милорд.

– Милорд позволит? – вновь подал голос мастер Харги и, дождавшись разрешения, заметил: – Хорошо бы создать ударный кулак из ребят в тяжелой броне с алебардами и молотами. Чтобы затыкать бреши, когда у нас уже не останется резервов. Из ваших гвардейцев, они с ног до головы закованы в сталь.

Дэйт мысленно согласился: не «если», а «когда». Все понимали, что рано или поздно это случится.

– Разумное решение. Так и поступим. Еще. Мастер Рилли, нужно пятеро арбалетчиков в команду к моим разведчикам. Требуется, чтобы кто-то следил за дорогой и предупредил нас о подходе противника.

– Я найду подходящих бойцов, сиор.

Дэйт задумался, глянул на своего оруженосца:

– Дикай. Ты с этой минуты комендант. Воинов надо разместить, обеспечить всем необходимым, нашему лекарю и его помощникам разбейте шатер, обсудите, кто будет носить раненых, добудьте все необходимое.

– Моя задача помогать вам, милорд.

– Вот ты и помогаешь, – отрезал Дэйт и обратил внимание

на Зидву, который подкручивал рыжий ус. – А вы, любезный егерь, отвечаете за то, чтобы лагерь переехал через Улыбку Шаутта, и как можно быстрее.

Тот пораженно уставился на командира, и начальник охраны герцога постарался его успокоить:

– Через шесть часов, когда мои люди отдохнут, Тавер соберет из них группу, которая станет вам помогать. Затем присоединятся все незанятые на других постах солдаты. Лагерь надо перенести, мастер Зидва. Здесь он совершенно беззащитен, и мыдовольно быстро лишимся всего: стрел, кузницы, докторов и лекарств, еды, топлива для огня. Без запасов мы долго не протянем, и враг возьмет нас с легкостью.

– Здесь единственная подходящая размерами площадка для такого количества народа, милорд, – предупредил егерь. – На другой стороне пропасти пещера заканчивается, и придется размещаться в узких туннелях.

– Можно это сделать на берегу озера, – промолвил Скворец. – Идти с полчаса, но там много места, и враги точно сразу не доберутся.

– Это хорошая идея, милорд, – внезапно подал голос Дикай. – Но я вот подумал: что, если встретить фихшейзцев не на мостах, а раньше? До того как дорога разделяется? Солдат не надо будет дробить на группы, станем сражаться одним отрядом.

От Дэйта не укрылось, что Тавер качает головой, а мастер Рилли и сотник Харги открыто усмехаются.

– Нельзя там держать оборону, парень, – сказал Харги. – Откос, по которому мы сползали, точно калеки, помнишь? Тот, где все держались за веревки и молились, чтобы не улететь вниз?

– Конечно, помню, – ответил оруженосец. – Поэтому и предложил. Там отличное место. Пока они спустятся…

– Они не спустятся, – остановил его Дэйт. – Ни к чему, когда стоишь на возвышении, противник прямо под тобой. Ни один бронированный строй не выдержит, если в него отправлять стрелы с высоты или тем паче сбрасывать камни. Мы потеряем много людей… Хорошо. – Он хлопнул себя по колену, поднимаясь. – Самые важные вопросы решили. Встретимся здесь же через шесть часов, чтобы согласовать детали. Зидва, барон должен был оставить нам предметы старины.

– Вот здесь, милорд. – Егерь постучал по маленькому ящичку.

Все с интересом заглянули внутрь. Там лежали три небольших, чуть больше четырех дюймов, кристалла, оплетенных толстой золотой проволокой. Они тускло светились.

Дэйт взял один из них в руки, и тот, точно реагируя на тепло человеческого тела, начал мягко разгораться. Маленькая искорка, появившись в глубине минерала, превратилась в широкое бледно-зеленое пятно, охватившее пространство в пять ярдов.

– Это все? Или он дает больше?.. – спросил Дэйт.

– Если намазать кровью, – мрачно ответил Зидва. – Дур-

ная вещь. Я так и сказал барону.

– И она может спасти нас всех, если мы окажемся во тьме. Тавер, мастер Харги. Эти две – вам.

Дэйт повесил оставшийся артефакт себе на пояс.

– Все свободны. Тавер и мастер Скворец, давайте пройдемся.

Направившись к пропасти, они остановились на краю.

– Отсюда можно дойти до второго и третьего мостов?

– Напрямую нет, милорд, – ответил каменщик. – Стена преграждает путь через двести ярдов. Следует вернуться и пройти по другой цепочке пещер. Дорога займет около часа.

– Хорошо. Значит, враг не сможет быстро перебросить отряд отсюда на другие площадки. А как обстоят дела через пропасть? Там общая дорога имеется?

– Есть крутая тропа по самому краю. Мы наладили мостки и прорубили ступени, но людям в броне и с длинным оружием следует двигаться с большой осторожностью. Второй путь через озеро, там, где я предложил разместить лагерь.

– Прорубили ступени?

– Зидва приказал.

«А егерь-то не безнадежен», – подумал Дэйт, а вслух сказал Таверу:

– Если они преодолеют хотя бы один мост, мы столкнемся с проблемой удара во фланг или в тыл. Подготовь запасной план, возможно, придется сражаться на территории нового лагеря.

– Сделаю. Потолок видели, милорд?

Дэйт задрал голову, прищурился, разглядывая во мраке острые каменные зубья, так похожие на клыки чудовища. Они нависали над людьми целыми гроздьями.

Дэйт не различал другого «берега» Улыбки Шаутта и ориентировался лишь по огонькам двух костров, разожженных там, где работала бригада каменщиков, подтачивающих основание постройки волшебников.

Далеко.

– У лучников не выйдет стрелять навесом, потолок соберет все стрелы. А настильного огня бояться будем, если только они почти преодолеют мост. Какова его длина? Ярдов четыреста?

– Четыреста семьдесят два, милорд, – тут же откликнулся Скворец и пожал плечами в ответ на заинтересованный взгляд. – Привык быть точным, даже когда что-то ломаю. И это самый узкий участок Улыбки Шаутта. Второй мост – пятьсот семь, и третий – шестьсот тринадцать ярдов. И эти каменные штуки, переброшенные через бездну, держатся лишь на двух опорах, милорд! Эх! Если бы мы в нашу эпоху умели строить так, как в прежние!

Ему было о чем сожалеть. Дэйт видел край, вырезанный точно из цельного куска скалы, столь незаметны оказались стыки между блоками. Впрочем… не вырезанного, а скорее вылитого, если бы твердый камень только можно было плавить и лить.

Искусная резьба по воздушным перилам, ровные, блестящие влагой ступени.

– Словно он создан из воды и воздуха, – восхищенно пробормотал Тавер. – Настоящее чудо, командир.

Мост аркой поднимался над пустотой, точно кит, показавший спину из моря.

Дэйт ступил на него, подняв факел повыше, мрачно думая: сколько же еще работы предстоит людям Скворца! Он не рассчитывал, что мосты окажутся в столь хорошем состоянии спустя полторы тысячи лет с момента их создания.

– Мы, кажется, застряли здесь на большой срок, командир. – Тавер озвучил его мысли.

– Да.

Оба понимали, что им придется провести в пещерах многие дни. До тех пор пока не кончится топливо, еда или… люди.

На середине пути Дэйт посмотрел налево, туда, где горели фонари работников, пытавшихся найти слабины в конструкциях соседних мостов. Самые дальние огоньки размером были не больше макового семечка.

– Тавер, найди ловких легконогих ребят. Нужны вестовые, которые во время боя могут быстро перемещаться между отрядами. Тех, кто устоит на узкой тропе и не свалится в пропасть.

– У меня есть несколько человек на примете.

– Мастер Скворец. От какого моста ближе всех к Червю?

– От этого, милорд. Он в пяти минутах.

– Покажи.

Они прошли над бездной, под сильным холодным ветром и капающей с потолка водой, кое-где льющейся с такой же частотой, как осенний ливень.

Путь к Червю от пропасти оказался неприятно короток, и Дэйв хмурился, думая о том, что если их выдавят сюда, то все может закончиться совсем не так, как он надеется. Враг прорвется, закрепится и сможет вырвать победу. Эти проклятые шауттами мосты следует обрушить во что бы то ни стало!

Если надо, он готов грызть их зубами.

Вход в Червя, идеально круглый, словно проделанный с помощью гигантского сверла, был обрамлен буквами старого наречия. Рядом лежала груда разбитого камня, в которой при должном внимании можно было угадать осколки разбитой статуи, судя по уцелевшему фрагменту лапы – некогда она изображала огромную кошку, возможно легендарного белого льва, существо, заключившее союз с волшебниками и погибшее во время Катаклизма.

– Посвети, – буркнул он Таверу, и тот поднял свой факел, пламя которого волновалось на сквозняке, повыше.

Дэйт ступил в туннель, отличавшийся от других пещер тем, что стены его были отполированы, словно зеркало.

Он провел по ним пальцами, ощущая холод камня и его гладкость. Да. Здесь поработали не обычные люди, а волшеб-

ники.

– Мастер Скворец. Ты проверял туннель?

– Прошел шагов триста, милорд. Везде все одинаково. Ни единой трещинки, куда бы я мог вбить клин. Бесполезно.

Каменщик подумал о том же, о чем и Дэйт. Если бы они могли обрушить туннель, а не мосты, все было бы гораздо легче.

– А если вбивать не в трещины? Сразу в породу?

Тот усмехнулся и с силой стукнул киркой по стене, выбив целый сноп ледяных искр.

– Ваша броня помягче будет, милорд. Волшебство. Без дураков. Как говорил мой батя, волшебство поборет только волшебство. Мы лишь убьем инструменты, а не добьемся даже царапины.

– Далеко отсюда до поверхности?

– Говорят, дорога занимает полных четыре дня. Это дикий край, туда никто не ходит. Делать там нечего. Лишь снег, высота и ледяная смерть.

– Отправить людей? – спросил Тавер, но Дэйт покачал головой.

– Возвращайся с мастером Скворцом. Я пройдусь вперед. Если за час пути не увижу ни одной трещины в туннеле и не найду подсказки от Скованного, оставленной лично для меня, как обрушить эту хрень, то вернусь. И мы сосредоточимся на основном плане.

Они ушли, а Дэйт постоял еще немного, с ненавистью раз-

глядывая стены Червя, и начал долгий путь в сердце горы.

Глава четвертая
Стража Верблюжьего рынка

Порой человек в простом платье оказывается важнее, влиятельнее и опаснее, чем разодетый в шелка богач. Вчера я уступил дорогу нищему и предложил ему еду, а сегодня этот нищий принимает меня в своем дворце, где его называют герцогом и вытирают перед ним пол своими телами. Кариф удивительная страна, но я, право, не знаю, чего ожидать от их безумия. Все же у нас, в Савьяте, все куда прозаичнее и проще. Сразу знаешь, что за человек перед тобой и чего от него ждать. Разве не для этого придумана одежда? Не только чтобы скрывать наготу, но и сразу опознавать уважаемых людей.

Из письма торговца своей жене

Шарэт, командир дневной смены стражи Верблюжьего рынка, изнывал от жары, такой густой и тяжелой, что, казалось, ее можно взять, положить в мешок и отправить врагам, чтобы они страдали точно так же, как он. Чтобы они истекали потом, их одежда была мокрой, воняла, а голова раскалывалась от боли, и они мечтали опустить ее в кувшин с хмельным анисовым араком, да так и захлебнуться в нем, лишь бы не чувствовать этого зноя.

От него не спасал сквозняк, который начальник стражи

попытался устроить, открыв окна и двери в караулке. Ветерок получился слабый и уж больно горячий – на таком неплохо можно жарить баранину к вечернему ужину. Холодный арбуз с сильно разбавленным вином тоже мало радовали – стоило их поднять из подвала, от талого льда, как они нагревались.

Шарэт страдал. Страдал куда больше, чем в день, когда цирюльник вскрывал ему чирей на ноге. И куда сильнее, чем когда тот же самый цирюльник, чтоб его шаутты забрали на ту сторону, рвал ему зуб.

Страдая, командир валялся на диване, оставив на себе лишь тонкие широкие штаны с белыми лампасами, вяло грыз приправленный солью жареный арахис, обильно потел, да негромко ругался, поминая сразу и Шестерых, и шауттов, и Скованного вместе со всеми его приспешниками.

Плохой день. Дурной. Жаркий.

Из-за распахнутых окон он слышал, как внизу беззлобно переругиваются двое его солдат, споря кому сегодня платить за обед. А дальше, из кварталов, доносилось бесконечное шварканье – метлы уборщиков улиц не уставая работали, собирая с мостовых и плоских крыш песок. Его вывозили на двухколесных телегах, запряженных мулами, ослами и волами, за пределы крепостных стен, к алым утесам.

Ирифи, которого никто не ждал в это время года, бушевал в городе целых четыре дня. Говорят, были погибшие, что неудивительно, такое во время песчаных бурь случалось и

раньше, но лично Шарэт не видел ни одного тела. Мертвых находили севернее того района, где он работал. Как всегда в основном бедняки или пьяницы, не успевшие спрятаться, или добраться до дома, или просто заблудившиеся во время ненастья.

Разумеется, как обычно, ходили слухи о том, что вместе с ирифи в Эльват пришли шаутты, сулла и даже сам Скованный собственной персоной. Их видели знакомые знакомых, но Шарэт давно уже не был тем наивным дурачком, что тридцать лет назад, и лишь посмеивался над страшными сказками, которые рассказывали ему «свидетели» из числа уличных торговцев, немолодых шлюх и нищих пронырливых мальчишек.

Конечно же сулла только и делают, что залезают в дома продавцов масла и старых вдов, а также охотятся на беспризорных собак. Все эти демоны песков, восставшие мертвые воины, огненные вихри и эйвы – столь же реальны, как находка клада в саду любимого дядюшки Шарэта.

С учетом того что сада у дядюшки не было (как и самого дядюшки, к слову сказать), шутка командира становилась понятна даже самому тупому сержанту дневного караула.

Солдаты с удовольствием посмеивались над остротами Шарэта, которые, стоит это заметить, были вполне удачны, если он пребывал в хорошем расположении духа. Но сейчас на хорошую шутку от командира не стоило рассчитывать – он изнывал от жары, мечтал о прохладных залах на постоя-

лом дворе «Звезда Желания», неразведенном вине, улыбчивой подружке, хорошем казане сытного шурати (и побольше бараньих ребрышек), а также – чтобы побыстрее прошла неделя и он получил месячное жалованье.

Шарэт съел еще один орешек и, запив его вином, поморщился.

Теплое, дери вас шаутты! Отвратительно!

Когда в коридоре раздались шаги, мужчина немного оживился и приподнялся на локте, перестав жевать. Сегодня день, когда торговцы кальянного рынка присылали, так сказать, маленькие «подарки» для любимых стражников их района за то, что благородные воины охраняют их покой и товары.

Шарэт был честным командиром, не то что многие другие, совершенно неуважаемые им «коллеги» по ремеслу. Он справедливо распределял доли между подчиненными, никогда не зажимая лишнюю рен-марку для себя. Солдаты платили благодарностью – верно служили (ему), не писали доносы (на него) и, если он просил, порой выполняли поручения, несколько отличные от представлений обычных обывателей, чем должна заниматься городская стража.

То есть если надо было сжечь чей-нибудь магазин, напугать дурака, решившего лезть не в свое дело или досаждавшего богачу, а то и вовсе убить его, спрятав тело в песке, командир всегда полагался на своих ребят.

Шарэт ожидал увидеть Нэрзи, своего первого заместите-

ля, но в комнату вошли незнакомые люди.

Высокий крепкий карифец, лет тридцати, с бритой головой и аккуратной бородкой, был облачен в простую одежду из льняной ткани, которую носили в Карифе повсеместно. Никаких богатых застежек, пояса, колец и серег. Широкий меч в потертых ножнах тоже оказался абсолютно непримечательным и без всяких украшений.

Короче, по первому впечатлению – обычный охранник каравана, бедный наемник, странник, проходимец, бандит, помощник горожанина средней руки.

Женщина, что держалась за его спиной, была такой худой и высохшей, что Шарэт, будь он ее мужем, испугался бы за ее здоровье. Нижняя часть лица закрыта, видны лишь темные, сильно подведенные сурьмой глаза, но можно понять, что она давно уже не молода. Вся одежда темно-серая, без ярких красок, как предпочитали носить вдовы Карифа. Только красивая булавка из янтаря и золота, которой закреплен платок в ее волосах, привлекала к себе внимание.

Изящная вещь. У уличных ювелиров Верблюжьего рынка такую не найдешь. Это стоит покупать в лавках рядом с Небесным дворцом.

Мать бритого гостя? Возможно. Хотя и странно.

Надо сказать, что начальник дневной стражи был достаточно умен и соображал довольно быстро. Он знал, что никто из солдат не пропустил бы чужаков к нему наверх без причины.

Очень веской причины. Да еще и не предупредив его об этом.

А также знал, что обычные горожане никогда бы не стали приходить к командиру и докучать ему. Так в его кварталах не поступают.

Держа в уме все эти обстоятельства, он, вместо того чтобы наорать на незнакомцев, выставить их за дверь и совершить еще какую-нибудь достойную его положения вполне естественную вещь, поднялся с дивана и, взяв рубашку, вежливо сказал:

– Чем могу помочь, уважаемые? Прошу простить мой неподобающий вид, я не ждал посетителей.

За незнакомцами появился приземистый Нэрзи. Физиономия у него была вытянутая, бледная, а глаза… По взгляду помощника начальник стражи понял, что выбрал верную тактику поведения.

Мужчина помолчал несколько мгновений, равнодушно наблюдая, как Шарэт застегивает пуговицы на рубахе, затем разжал кулак и поднял руку так, чтобы начальник стражи смог рассмотреть золотого грифона, качавшегося на толстом бирюзовом шнурке.

Знак гвардии князя. Личная метка, говорящая, что предъявитель сего может отдавать приказы от имени милорда Архази, младшего брата его светлости и главы отряда «Серых клинков».

У начальника стражи немного отлегло от сердца, когда

он понял, что эти люди пришли не за тем, чтобы проводить проверку его участка, расследовать возможные жалобы о взятках и притеснениях. Не такие перед ним фигуры, чтобы заниматься мелочью и вести дознание о… перегибах столь незначительного человека, как он.

Но, с другой стороны, с печатью Архази так просто не приходят. И неприятности никуда не делись, просто он пока о них не знает.

– Понимаю, – ровным тоном произнес Шарэт, радуясь, что голос даже не дрогнул. – Желаете чаю? Или, быть может, вина? Холодной воды?

– Благодарю, уважаемый. – Женщина присела на краешек дивана, на котором совсем недавно лежал командир, и небрежно провела ногой по полу, отодвигая подальше от себя шелуху семечек, которые он грыз позавчера. – Но мы бы предпочли сразу заняться делами.

– Чем может помочь скромная стража Эльвата?

На самом деле Шарэт думал: «Какого Скованного из всех возможных городских постов они пришли именно ко мне?!», но по понятным причинам его мысли не обратились в слова.

– Надо арестовать одного человека, – негромко сказала женщина, и начальник дневной смены начал считать ее главной в этой паре.

– Погуляй пока, – приказал он помощнику, и тот оставил их. – Я могу узнать ваши имена, уважаемые?

– В них нет тайны. – Улыбка. – Это Ярел, капитан первой

роты «Серых клинков». Он был так любезен, что согласился сопроводить меня. Я же Бати, скромная служанка его милости. Возможно, вы обо мне слышали.

С этими словами она сняла вуаль, и Шарэт увидел гладко выбритое лицо пожилого мужчины, губы которого были накрашены темно-синей помадой. Вид у него был отталкивающий и неприятный, словно у пустынного кровососа.

Кто же не слышал о Сколопендре Эльвата? Мужчине в женской одежде, доверенном слуге герцога, человеке, который часто решал, чья голова окажется на плахе, с кем начнется война и какой богатый род в этом году станет Хранителем Полуденных Врат и шагнет по лестнице зала Вечерних грез к Ближайшим.

Про него ходило множество слухов. Что он колдун, к примеру, хотя магии в этом мире не было уже тысячу лет. И что он палач, убивающий бирюзовым шнурком тех благородных женщин, что разочаровали его милость в Женском углу дворца. Что он знается с асторэ и даже может шаутта подчинить своей воле. Не говоря уже про простого смертного.

Как бы там ни было и сколько бы лжи ни таилось в этих слухах, Шарэт точно знал, что гость крайне влиятельная фигура.

– Кого следует арестовать?

– Я покажу дом. – У Ярела оказался голос с хрипотцой. – Восемь солдат будет достаточно.

– Восемь? Хм… Этот человек настолько опасен?

– Нет.

– Хм…

– Вас что-то беспокоит? – участливо спросил Бати, и Шарэт едва не поморщился от его женского голоса.

– Что бы меня ни беспокоило, уважаемые, я не стану спорить со знаком гвардии и уклоняться от приказа.

Вот уж чего он не собирался, так лезть к этим людям с непрошеными советами. В Карифе властители убивали и за меньшее.

– Мне говорили, что вы умны. И способны, – сказал пес герцога. – Что вам предлагали должность в районе Шестнадцати Фонарей, куда более богатом, но вы отказались. Почему?

Шарэт шмыгнул носом, что часто с ним случалось, когда вопросы были неприятны и раздражали его. Но ответил честно.

– От Шестнадцати Фонарей до дворца герцога – два шага. Слишком близко к солнцу, и я не хотел, чтобы меня опалило из-за случайной ошибки или лишнего внимания к моей персоне. Граница с Полями Мертвых – это моя земля. Верблюжий рынок мой дом. Я здесь вырос и знаю каждую собаку. Жизнь проще, хоть и платят меньше.

– То есть ты не тщеславен и не ищешь повышения? – усмехнулся Ярел. – Или предпочитаешь брать взятки со знакомых торговцев?

– Мы честная стража. Если когда-то кто-то и оплачивал

наши дополнительные услуги… – Шарэт был уверен, что пришедшие навели справки и знали об этом даже больше, чем его сержанты. – Тот всегда знает, что мы выполним просьбу горожан и поможем им в охране здоровья и имущества. Что касается повышения, я достаточно тщеславен, чтобы понимать – в гнезде змей будешь укушен. Люди в Шестнадцати Фонарях совсем из другого теста, а я осторожен, господин.

– И все же тебя что-то беспокоит в нашей просьбе. Я хочу знать. Скажи. – Бати смотрел на него из-под полуприкрытых век, с ленивой степенностью той самой змеи, о которой он только что упоминал, и Шарэт подумал, как тому не жарко во всех плотных серых бабских нарядах.

– Вы просите дать вам восьмерых, а не четверых и уж точно не двоих, как в обычных городских патрулях. Господин Ярел из гвардии, там отличные солдаты, куда лучше моих. Воины, закаленные рейдами и боями. И вместе с тем их с вами нет.

– И какой из этого вывод? Ну же! Смелее.

– Неприятный, господин. Либо человек очень опасен и вы хотите рисковать моими людьми, а не своими. Либо стараетесь скрыть интерес дворца к преступнику.

– Что же в последнем неприятного для тебя? – удивился Ярел.

– Дворец – это политика. Деньги. Власть. Иначе уважаемого господина Бати бы здесь не было. А скрыть арест не по-

лучится. Восемь человек… Восемь свидетелей. Кто-нибудь обязательно начнет болтать. Я не знаю, насколько важен преступник, но допускаю, что болтающих можно заткнуть лишь одним способом.

В комнате повисла тяжелая тишина, и Шарэт почувствовал, как пот стекает у него по спине. Он уже жалел, что рассказал о своих подозрениях.

Бати встал с дивана, отряхнул юбку небрежным жестом, подошел к начальнику дневной стражи, глядя на него сверху вниз, ибо оказался очень высок:

– Действительно не дурак. Сколько нужно для ареста? Чтобы они не болтали потом?

– Трое. Я. Мой помощник. И господин Ярел. Дадим ему форму стражника. Мы справимся, конечно, если тот, кто вам нужен, не таувин или не носит знак золотого карпа на плече.

Бати поджал губы, точно ощутил неприятный запах, чуть склонил голову, прислушиваясь к чьему-то неслышимому Шарэтом шепоту.

– Подозреваю, что ты больше хочешь обезопасить своих людей, а не сберечь нашу тайну.

– Я несу за них ответственность.

– Пусть будет так, – произнес Бати и, видя, как Ярел недовольно дернулся, нахмурился, заставляя воина молчать. – Трое. Твоему помощнику можно доверять?

– Иначе бы я его не предложил. Преступник опасен?

– Да. И это женщина.

– Ну с женщиной проблем будет меньше, – воспрянул духом Шарэт.

– С женщинами всегда проблем больше, – усмехнулся Бати. – Запомни. Если даже она станет рвать тебя на части, ты не будешь ее убивать, пока Ярел не даст такого приказа. Она нужна мне живой.

Горячий напиток, пахнущий розовыми лепестками, корицей и жасмином, уже давно остыл, но стенки глиняной чашки все еще сохранили толику тепла. Шерон держала ее в руках, чувствуя, что ветер, дувший из выломанного окна, лижет обнаженные плечи.

– Вы не ели, госпожа. – В голосе Агсан звучала укоризна.

Она стояла возле низенького деревянного подноса, заставленного разноцветными мисочками и пиалами. Еда на них тоже остыла, но, в отличие от напитка, оказалась не тронута.

– Я не голодна.

– Вы только пьете. Уже пятый день. Надо есть, иначе вы ослабнете. Если больны, я приведу лекаря. Очень хороший лекарь. Очень. Мою бабушку вылечил, и вас вылечит.

– Только лекаря мне сейчас не хватает, – пробормотала Шерон и с неохотой подвинула поднос к себе.

Взяла несколько кусочков курицы в пряном восточном соусе, медленно прожевала, думая о том, что сейчас, наверное, походит на Лавиани, которая просто не чувствует вкуса еды.

– Ты прибралась. Спасибо, – произнесла указывающая.

– Подмела песок. И сожгла всех этих дохлых насекомых. Люди бабушки поставили новую дверь, пока вы спали. Стол все еще сломан. И перила. Наверху.

– Я слишком долго спала.

Она потеряла много сил из-за схватки с двумя сулла и несколько дней, пока на улице бесновался ирифи, провела в лихорадке.

– Вы заболели, госпожа. – Агсан не так-то просто было сбить с намеченной дороги, Шерон уже имела «счастье» узнать, сколь упряма служанка. И прежде чем девчонка вновь затянула песнь о докторе, спросила у нее:

– Ты все сделала?

Помощница нахмурилась и стала смотреть в сторону.

– Да, – неохотно сказала она. – Все как вы сказали.

– И ты не разворачивала ткань и не прикасалась к нему?

Теперь девочка уже не отводила глаз, произнесла тихо, сжав кулаки:

– Я не глупая. Я понимаю, что это опасно. Не прикасалась. Не разворачивала. И даже не смотрела. Все как вы приказали. Закопала его на кладбище, за старыми склепами, где давно уже никто не ходит.

– Хорошо, – произнесла Шерон, не поднимая головы от миски с едой и заставляя себя продолжить трапезу. – Забудь об этом месте и никому не говори. Тебя ведь никто не видел?

– Нет.

– И ты никому не рассказывала, что произошло той ночью?

– Никому, госпожа. Никто не знает, что вы великая волшебница. – Теперь в ее голосе был восторг вперемешку с благоговением.

Ну кем же еще может быть человек, у которого есть «дрессированные» игральные кости и который способен убить сулла? Конечно же только великим волшебником, а не потомком страшных некромантов.

– Я не волшебница, – устало произнесла девушка.

– Как скажете, госпожа, – покладисто согласилась Агсан, в то же время показывая, что она-то уже все поняла и теперь ее не обмануть.

– Как госпожа Эрбет?

– Злющая. Как обычно. Я ее не люблю.

Шерон подумала, что надо поговорить с Бланкой, наконец-то решить все раз и навсегда, но… не сейчас. Сейчас она к подобным разговорам не готова.

– Помоги ей, если она попросит. Я поднимусь к ней вечером.

Девочка кивнула, поняла, что, кроме курицы, ее хозяйка ничего не будет, и забрав поднос с едой, отправилась на кухню.

Шерон, мрачно хмурясь, допила цветочный отвар. Мысли ее были тяжелыми, она не переставая думала о том, что произошло той ночью, и чем больше думала, тем сильнее ей

не нравилось происходящее. А еще у нее перед глазами все время маячило лицо Димитра.

Столь… реальное. Именно таким она запомнила его, когда он в последний раз отправился в море.

И не вернулся.

Она злилась на себя за то, что знала – вид человека, который когда-то был ее мужем, пусть и недолго, заставил ее почувствовать слабость, неуверенность, даже беспомощность. То, что Шерон больше всего не любила в себе и старалась с этим бороться.

А еще Йозеф. Он был жив, когда она покидала Нимад. И сулла, показав ей его, зародил в душе указывающей сомнение.

Да, ее учитель очень стар, но Шерон всегда казалось, что он будет жить вечно. Так долго, как когда-то существовало Единое королевство. И если город потерял старшего указывающего, то…

Шерон потерла лоб, не понимая, что делать. Ее долг звал назад, в дом на краю мира, такой далекий и уже немного забытый. Конечно, там есть Клара, Никлас, Матэуш, Криза, но…

Опять эта пауза. Опять сомнения.

Шерон все было ясно. Нимад в ее прошлом. Здесь – настоящее, а будущее покрыто мраком неизвестности. Она не может никуда уйти. Не сейчас. Эльват связал ее по рукам и ногам… И девушка глубоко вздохнула, кажется только те-

перь осознав, насколько она ненавидит столицу Карифа.

Но она должна убедиться, что с Йозефом все в порядке. И напишет письмо, а затем найдет торговца, который отправляется на север, хотя бы к границам Варена. А там, быть может, он встретит тех, кто едет на Летос и сможет доставить послание в Нимад. Это займет месяцы, но уж чего сейчас у Шерон много – так это времени.

Тягучего, бесконечного и почти безрадостного. Теперь она понимала, что такое настоящее одиночество.

Агсан нарушила ее тягостные размышления, вбежав в зал. Мордашка у девчонки была встревоженная.

– Бегите, госпожа! У нашей калитки стражники!

– Что? Ну так впусти их!

– Госпожа! Вам надо идти! Через сад и двор старого Джумы. Там, если по навесу для ослика, можно перелезть через стену и оказаться на кладбище.

Девушка не хотела никуда бежать. Бегство – признание своей вины. А Шерон была уверена – она ровным счетом ничего не сделала. Без денег и друзей прятаться в городе? Покинуть Эльват? Как ей потом искать Мильвио и Лавиани? Да и Бланку она бросить не может, пускай та вряд ли в состоянии оценить это.

– Ты кому-то рассказала о той ночи? – еще раз уточнила Шерон.

– Нет! – Девочка чуть не плакала. – Клянусь!

– Открой калитку. Иначе они выломают ее. И у твоей ба-

бушки будут неприятности. У каждого из твоей семьи, если стражники разозлятся. Все будет хорошо. Обещаю.

Агсан убежала, а Шерон крикнула, предупреждая:

– Бланка! У нас гости!

Мужчины, вошедшие в комнату, смотрели на нее настороженно, но без злобы. Старший – невысокий, плотный, с сединой в бороде – держал руки сложенными на животе, стараясь казаться дружелюбным. Двое его помощников поглядывали по сторонам. Один с любопытством, другой, высокий и лысый, – цепко, словно ждал засады. Бледное лицо Агсан маячило за их спинами.

– Добро пожаловать под мою крышу, – негромко сказала Шерон, как обязывали приличия Карифа, встав с ковра и чуть склонив голову.

Разглядывала она их с не меньшим любопытством, без всякого страха, точно любознательный ребенок, которого внезапно удивила заглянувшая во двор лохматая собака.

И мужчины, видя, что она не боится, и не чувствуя от нее угрозы, немного расслабились. Во всяком случае – двое. Третий, бритоголовый, все так же касался оружия, и она видела, что его руки напряжены.

– Я Шарэт, начальник дневной стражи вашего района, – представился первый, обильно потея. Голос у него был низкий, даже красивый, решила Шерон. – А вы та самая чужестранка, что сняла дом и живет здесь уже много месяцев? Шерон из Нимада.

– Верно. Это я. – Девушка склонила голову. – Агсан. Завари кальгэ для наших гостей. Как будет готово, сразу же неси.

Девочка поколебалась и ушла на кухню, а оба стражника (но не лысый!) немного смутились, чувствуя себя неловко. Они ожидали совсем иного.

Интересно чего? Споров? Вопросов? Сопротивления? Возмущения?

Начиная догадываться, Шерон сказала, обращаясь к командиру:

– Проходите, пожалуйста. Не стойте в дверях, господин. Будет ли вам удобно на этом диване, пока моя служанка готовит кальгэ?

Шарэт быстро покосился на лысого и, помявшись, направился к дивану, заставив Шерон задуматься, кто из этих двоих действительно главный.

– Вы учитесь фехтовать? – с ленцой спросил лысый, увидев ее меч, лежащий на сундуке, в котором хранилась одежда. – У почтенного мастера Шамси?

– Да.

Лысый направился к оружию, Шерон встала у него на пути, сказав вежливо, но решительно:

– Вы в моем доме, уважаемый. И вы пока мой гость. Если вы хотите посмотреть меч, спросите разрешения, как этого требуют ваши обычаи.

Его глаза остались безучастными:

– Я на службе… госпожа. А вы плохо знаете законы Эль-

вата. Но если вам так угодно, могу ли я взглянуть?

Она с неохотой отступила, понимая, что меч он берет не просто так, а опасаясь, что она его схватит. Что же происходит и зачем они здесь?

Лысый обнажил ее оружие, изучил клинок, потрогал большим пальцем, проверяя остроту кромки.

– Разве закон Карифа запрещает учиться защищать себя? – спросила она.

– Не запрещает, – согласился Шарэт. – В доме еще кто-то есть?

– Агсан, моя личная служанка. Вы ее видели. Кухарка, если не ушла на рынок. Еще приходит садовник, но сейчас его нет. И моя сестра, она наверху.

– Она может спуститься?

– Я так и не узнала, почему вы пришли, уважаемые. – Шерон смотрела с интересом, без раздражения, и ее спокойствие смущало их все больше и больше. – Городская стража что-то ищет в доме, где я живу? Или кого-то? Мне хотелось бы понять цели, что вы преследуете.

– Эм… – помялся Шарэт, подбирая слова. – Поблизости прячется опасный преступник, и наш долг найти его.

Шерон печально вздохнула:

– Мой дом не первый на нашей улице. Но уверена, уважаемый, вы не посетили другие семьи, а пришли сразу ко мне. Возможно, ваш начальник сможет мне ответить?

Лысый, на которого она теперь смотрела, недовольно на-

хмурился, а Шерон с некоторым сожалением пожала плечами:

– Простите, если все вам испортила. Но я не очень умею играть в игры, правила которых никто не удосужился мне объяснить, господин…

– Мое имя сейчас не важно. Торговец обвиняет вас в краже.

– Какой торговец?

– Мастер золотых дел одной из лавок Верблюжьего рынка.

– Я не заходила в такие лавки.

– Мы исполняем свою работу, госпожа, и отведем вас к судье, который рассмотрит жалобу. Ваша сестра спустится к нам?

Она могла бы спорить. Но сомневалась, что это поможет.

– Хорошо. Я ее приведу.

– Нет! – быстро сказал лысый. – Оставайтесь, пожалуйста, с нами.

– Боитесь, что я сбегу? Найду еще один меч? Уничтожу украденное? Моя сестра слепа. Она не сможет спуститься без чужой помощи. Если не доверяете – сходите за ней сами. Вы окажете мне услугу.

– Нэрзи. Проверь. Если она и вправду слепа, не тревожь ее.

Второй солдат, все это время молчавший, посмотрел на Шерон, и та сказала:

– По лестнице. Второй этаж, направо.

Он вернулся довольно быстро:

– Слепа. Кто ее так изуродовал?

– Злые люди, – сухо ответила Шерон.

– Пойдемте, госпожа. Судья ждет.

Если кто ее и ждал, то точно не судья. Что же. Скоро она это узнает.

Появилась Агсан с подносом, на котором стояли стаканы с водой и чашки с горячим маслянистым кальгэ, пахнущим кислыми ягодами и пряным земляным орехом.

– Мне надо уйти, – сказала Шерон. – Ничего не бойся. Позаботься о Бланке. Ты знаешь, где лежат деньги, и справишься. Обещай мне, что останешься, пока я не вернусь.

– Обещаю, – прошептала девочка, зло посмотрев на стражников. – Обещаю.

Глава пятая
Последний сын

В конце битвы, когда соленый ветер выедал глаза выжившим, а они плакали, Темный Наездник оставил своего коня и встал в строй с теми, кто был за него, облегчая боль и даря надежду, которой не было. Так они и встретили Шестерых и волшебников, что пришли к ним, спустившись с холмов. И так кончилась эпоха. А быть может, началась.

Забытые легенды мифа. Фрагмент, найденный в замке Аранта

– Сюда? Хорошо, милорд Эрег… простите, милорд Эрек.

Эрек да Монтаг, младший, а теперь и единственный сын владетеля Горного герцогства, в последнее время не любил семейное прозвище, которым наградил его старший брат, исковеркав имя на старокарифский манер.

Эреку оно не нравилось. Э-ре-го. Го-го-го. И-го-го. Старший брат в детстве часто над ним подшучивал, и обычно все заканчивалось идиотским лошадиным ржанием. Эрего-го, мальчик-коняшка.

– Лошади благородные существа, – утешила его мать. – Кариф ценит лошадей, они верны, выносливы и смелы. Сделай это имя своим. Тогда темные духи никогда не

найдут тебя.

– Даже шаутты? – спросил он.

– Даже они.

Тогда это звучало правдиво, но теперь он знал, что мать лгала ему. Лгала не со зла, а чтобы утешить и подарить надежду. Сделать сильнее. Обратить минусы, что ослабляют его, заставляют кровь вспыхнуть от обиды, в плюсы.

И в семье он стал Эрего, а затем и другие начали его так называть. И даже старший брат устал потешаться в какой-то момент.

А затем из мрака пришли шаутты. Они нашли Эркина и Эрсая, братьев Эрека, и убили их. Разорвали. И ему перестало нравиться, как звучит «Эрего». Слишком сильно это напоминало ему о тех темных днях и погибших родичах.

– Нужна твоя сила, – сказал Эрек, и мастер Мирко, высокий рыжеволосый уроженец Летоса, подошел и, поплевав на перчатки, налег на заиндевевший засов. Вдвоем они с трудом сместили его в сторону, и юноша распахнул тяжелую дверь, мотнув головой, чтобы мастер меча шел первым.

Они начали подъем по лестнице, чувствуя, как холодный металл обжигает пальцы даже сквозь толстые кожаные перчатки. В узкие окошки надсадно дышал ветер, где-то над головой хлопали крыльями пролетавшие птицы. Снизу доносился мерный стук множества молотков, сейчас глухой и слабый.

Словно они были в животе каменной рыбы, которая до-

живала свои последние часы.

Мирко, выбравшись на площадку, протянул руку господину, и Эрек принял помощь. Они оказались в верхней части купола храма Шестерых, на балконе, опоясывающем его изнутри. Перегнувшись через перила, наследник посмотрел вниз, на уходящие колонны, центральный зал с клетчатым полом и множество рабочих, которые разрушали убранство по приказу герцога. Прекрасные статуи Шестерых, фрески и лепнина с изображениями их деяний, жившие много веков, превращались в ничто.

– Ты веришь в Вэйрэна? – спросил он мастера меча.

– Нет, милорд, – честно ответил тот. – В моей стране верят в Шестерых и в указывающих, что защищают нас.

– А мою страну защищает Вэйрэн. И вместе с тем я сожалею, что отец приказал уничтожить память о старых богах.

– Не мне судить герцога, милорд. Я чужестранец.

– Рукавичка говорит, что скоро все страны поверят в доброту асторэ, оболганного Шестерыми. Но я в это не верю.

– Милорд?

– Люди не готовы принимать верные решения, даже если это спасет их от шауттов. Иначе бы Фихшейз и Ириаста никогда не напали на нас. Они боятся.

– Все чего-то боятся, милорд. Но либо справляются со своими страхами, либо те их уничтожают.

Юноша посмотрел на нанятого отцом мастера фехтования.

– Считаешь, что мы победим?

– Я говорю о страхах, а не о войне, милорд. Ваш отец тоже чего-то боится. Весь вопрос – кто будет смелее. – Рыжий воин внезапно нахмурился. – Путь, по которому мы прошли, милорд… он единственный?

– Я был здесь давно, с братьями. Шесть лет назад, когда мы приезжали в Скалзь на праздники. Не помню.

– Везде пыль, а следы на полу свежие. Дверь была заперта на засов, значит, он прошел другим путем.

– Ты опасаешься убийц?

– Мне платят в том числе и за то, чтобы с вами ничего не случилось, милорд, – ответил рыжий человек в простой одежде.

– Думаю, ты защитишь меня, если он ждет на крыше.

Как и любой подросток, Эрек был уверен в том, что с ним не случится ничего плохого.

– Вы забываете мои уроки, милорд. – Мирко ощупывал взглядом балкон и густые тени на противоположной стороне купола.

– Вовсе нет, – отозвался наследник и процитировал: – Численное преимущество побеждает мастерство. А арбалетный болт опередит любого. Я помню, как стреляли в Рукавичку. Но она выжила.

– Она асторэ, милорд. И ее охраняет Вэйрэн. А вы – нет. – Мирко уже стоял так, что широкой грудью закрывал наследника от возможного выстрела.

Эрек тоже был асторэ, пускай об этом знали лишь близкие и *она*. *Та*, кто в последнее время волновала его сон.

– Предлагаешь уйти?

Мечник громко свистнул.

Эрек нахмурился, слыша, как по лестнице, по которой они только что прошли, поднимаются люди и как стучит железо о ступени и каменные стены.

Солдаты.

– Защищайте.

Двое закрыли Эрека щитами, двое обошли балкон по кругу, убедившись, что никого нет.

– Там еще одна лестница, мастер Мирко. Она всегда открыта, его милость просто не знал.

– Проверьте крышу.

– Как подло, – сказал Эрек, но без всякой злости или раздражения. – Ты сказал, что мы отправимся вдвоем.

– Вдвоем, милорд, – подтвердил мастер клинка. – Они просто были неподалеку. Не желаю, чтобы ваш отец укоротил меня на голову из-за моей беспечности. Сейчас война, а наемные убийцы могут быть повсюду.

– Шаутты опаснее людей.

– Если на вас нападут шаутты, то мы задержим их достаточно долго, чтобы вы смогли убежать.

Эрек задумчиво коснулся висящего на поясе деревянного кинжала, выточенного из дубового бруса. Он сомневался, что от шауттов удастся убежать.

– Господин, это просто рабочий, – сказал один из солдат, вернувшись с крыши. – Пробивает северный дымоход, его отправил сюда начальник смены.

– Обыскали?

– Да. Как учил мастер Дэйт. При нем нет оружия.

– Проверили территорию?

– Чисто.

– Глаз с него не спускать, пока мы будем наверху.

Еще один короткий подъем, и они оказались на крыше, щурясь от яркого солнца. Ветер задорно взъерошил темные, сильно вьющиеся волосы Эрека и он, приложив ладонь козырьком, посмотрел на далекие горы. Здесь они были гораздо меньше, чем в его родном Шаруде, окружавшие город в белоснежное кольцо.

– Простите, милорд. – Мирко опустил руку на плечо наследника и мягко потянул на себя, отводя подальше от ската. – И где он?

– За шпилем не видно. Идем. Тут близко. Вот.

Эрек указал на запад, на отвесную, отполированную до блеска скалу, высившуюся в самом центре города, как раз напротив храма Шестерых. Теперь то, что находилось на ней, можно было прекрасно рассмотреть.

Мирко сложил руки на груди, внимательно изучая скульптуру. Затем признал:

– Вы правы, милорд. Только с крыши этого здания его и можно увидеть. С улицы совершенно непонятно, что создал

скульптор.

Большой лев, размером с дом, белый, точно первый снег, уронил голову на передние лапы и сложил крылья. Было в его облике что-то очень печальное и тоскливое. Словно памятник посвятили солдатам, не вернувшимся из битвы и оставшимся на поле боя.

– Ездовой зверь великих волшебников? Это он?

– Да. Его убили. В книгах пишут, что из бока скульптуры торчало золотое копье, но оно утрачено после Катаклизма. Как и другие фигуры, о которых даже записей не осталось. Раньше здесь было… – Наследник замолчал, пожал плечами с разочарованием, переведя взгляд на горы. – Говорят, волшебники построили целый мемориал в честь Шестерых, их погибших учеников и победы над Вэйрэном в той далекой войне. Хотел бы я их увидеть.

– Шестерых, милорд?

– Я про львов. Ты не жалеешь, что они исчезли? Звери, на которых люди могли летать?

– Жалеть о прошлом не по мне, милорд, – равнодушно ответил мастер меча, словно и не замечая того пыла, с которым спросил юноша. – Весь Летос – осколки прошлого, и я очень рад, что оно давно сгинуло на дне моря, исчезло из памяти.

– Но волшебники…

– Простите за неучтивость, милорд. Они привели мир к гибели. И таувины. И асторэ, пускай гостья вашего отца из них и мы ее защищаем так же, как и вас. А кроме перечис-

ленных исчезли и другие существа. Мэлги, эйвы, искари и создания, названий которых я даже не знаю. Мой отец был рыбаком, и однажды его сети подняли из моря белый металлический шар. Тот взорвался на баркасе, убив десять человек, а остальных сильно покалечил. Вот и вся встреча с прошлым. Почему вас так интересуют львы?

– Да Монтаги на сегодняшний день – единственная правящая династия, которая не прерывалась. Мои предки были наместниками этих областей во времена Единого королевства, как только Шаруд в первый раз отвоевали у шауттов. Пращуры дружили со львами и могли летать на них, как волшебники. Мы были теми исключительными среди обычных людей, кому оказали такую честь. Я хотел бы подняться в небо.

– Понимаю ваше желание, милорд. Летать… наверное, интересно, – вежливо ответил обладатель татуировки, изображавшей золотого карпа. – Что же, я увидел диковину Скалзя. И могу твердо заявить: альбатросы больше.

– Насколько? – подался вперед наследник Горного герцогства.

– Их тени накрывают несколько кварталов, милорд. А шпили, на которых они закреплены, настолько высоки, что всегда обманываешься в размерах и считаешь альбатроса менее… огромным, чем он есть. Так что спор вы проиграли. А значит, завтра у вас будет двухчасовая работа против копья кулачным щитом и кинжалом.

В отличие от старшего брата Эрек не любил фехтование. Он понимал, что это важно и он должен уметь владеть разным оружием, быть как можно более опытным в военном деле, но также уже смог осознать, что не обладает нужными талантами и никогда не станет отличным фехтовальщиком.

Он боялся, что это разочарует отца, но тот, выслушав признание сына, рассмеялся.

– Это не самая большая трагедия для правителя – не получить золотого карпа на руку. Достаточно уметь держать меч и отбиться от нападающих, пока не подоспеет стража.

– А сражаться в бою?

– В бою нет фехтования, сын. Там рубка и лавка мясника. Спроси как-нибудь Дэйта. Да Лэнг тебе расскажет, что такое биться в строю. К тому же плох тот правитель, кто лезет в первые ряды, рискуя там и остаться. В мире найдется много людей, кто будет сражаться за тебя, если ты ведешь себя правильно, щедр с друзьями, честен с ними и правишь достойно.

– Даже когда приходится принимать отвратительные решения?

– Такие, какие принимаю я? – усмехнулся Кивел да Монтаг. – Даже тогда. Порой все мы совершаем отвратительные вещи, идя на сделку с совестью для спасения своей семьи и государства. Научись этому. И как можно скорее запомни. А касательно фехтования, знаю, что тебе не нравятся ежедневные тренировки. Тарик и Мирко гоняют тебя, как собаки котенка, просто помни – с каждым полученным синяком у те-

бя возрастают шансы прожить лишнюю секунду и дождаться помощи от других. Секунда в схватке – бесценна. А если их набирается пара десятков, то выжить гораздо проще.

Эрек помнил наставления отца и продолжал заниматься тем, что не любил. Поэтому сказал:

– Я проиграл спор. И выполню условия.

Рыжеволосый боец посмотрел на господина, неожиданно улыбнулся:

– Я удивлен, милорд.

– Чем?

– До вас я обучал фехтованию и других. Некоторые из них сказали бы, что мои слова все равно нельзя проверить, а поэтому условия спора можно и не выполнять.

– Обучение нужно в первую очередь мне, а не тебе. Глупо его избегать, я уже не ребенок.

– Так и есть, милорд, – признал мастер Мирко. – Вы будущий правитель, а не ребенок.

Фонари горели через каждые десять шагов: во дворе, коридорах, залах и в кладовых. За ними следили круглые сутки, даже когда был яркий день и они ничего не могли осветить. Кастелян конечно же ворчал о бездумной трате масла, но по старой привычке, для порядка. Он, как и все, понимал, что огонь – маяк, тот самый сигнал, что извещает людей о появлении шауттов.

В одном из коридоров теплое пламя меняло свой цвет на

ярко-синий, холодный, совершенно чуждый и пугающий. Во всяком случае так считалось раньше, теперь же все знали, что огонь извещает о *ней* и здесь, рядом с Первым фонарем, стояла Первая стража.

Обычно это были молодые воины, в синих плащах с нашитыми на них знаками водоворота, очень гордые столь важной миссией, как охрана величайшей реликвии. Сюда разрешали приходить всем желающим, Рукавичка долго убеждала герцога, несмотря на риск слишком близко подпустить наемных убийц.

– Они хотят чуда, ваша светлость. Хотят увидеть своими глазами синий огонь, который не несет зло. Поклониться Вэйрэну.

– Должен ли я потакать их желаниям? – проворчал Кивел да Монтаг.

– Нет. Не их. *Его* желанию. Вэйрэна. Он примет всех, кто готов в него верить. К тому же эти люди разнесут весть по городам, кантонам, другим странам. Скажут, что не увидели зла.

Эрек, слушавший этот разговор, посмотрел на хмурого отца.

– И в тебе? И в тебе они тоже его не увидят? Знаешь, как тебя называют в Фихшейзе, Рукавичка? Чудовищем. Асторэ, которая пожирает людей и поработила мою семью. Повелительницей шауттов, которая спустит их на все цивилизованные страны.

Слепая чуть наклонила голову:

– Я знаю, ваша светлость. Поэтому так важно, чтобы я появлялась на людях. Они должны видеть меня, понять, что я не тот демон, которым пугают. Я хочу приходить в обновленный храм. Хотя бы раз в неделю, и говорить с людьми о Вэйрэне.

– Тебя снова попытаются убить.

– Не исключено, ваша светлость, – спокойно ответила женщина, восхитив своей храбростью Эрека. – Но у меня есть Алессио. А если не защитит он и ваши люди, то Вэйрэн снова спасет меня. Вы же понимаете, мы должны быть готовы к будущему, чтобы как можно больше людей встало на нашу сторону, а *его* вестники разошлись по другим герцогствам. Только едиными мы сможем выстоять перед грядущим злом.

Кивел да Монтаг долго думал, затем неохотно кивнул. Осознав, что она не может увидеть этот жест, сказал:

– Хорошо. Я открою им дорогу к огню вокруг твоих покоев. И раз в неделю можешь посещать храм, пока мы не отправимся с армией дальше. Но только под усиленной охраной. Я распоряжусь.

И люди приходили к синему фонарю со своими лампадками, лампами и свечами, зажигали их от него, с трепетом смотрели на новое пламя, освященное самой асторэ, спасительницей Шаруда. Уносили его с собой… И пусть оно меняло цвет, становясь обычным – его считали все таким же

волшебным, защищающим от бед и невзгод. Постепенно оно распространилось по Скалзю, загораясь в очагах и каминах, а затем по горным дорогам отправилось в путь по ближайшим фермам и деревушкам.

Но поток желающих прийти, увидеть, не прекращался. Иногда их было двое, иногда пятеро, а порой толпа растягивалась на целую улицу. Эрек шел мимо паломников в сопровождении Мирко и солдат отца, расчищавших дорогу. Люди кланялись, смотрели, и юноша, сохраняя внешнее спокойствие, внутренне ёжился, чураясь лишнего внимания.

Он всегда был третьим сыном, третьим в очереди, его не готовили так, как Эркина. И вот все изменилось. Кто-то, например его дядюшка, кузен отца, мечтает о власти, мечтает настолько, что затеял войну с собственной страной, предав ее и перейдя на сторону врага. Он же – никогда не желал быть правителем, мать обещала отправить его в Риону, как только ему исполнится пятнадцать, а после в Каренский университет.

– Семье нужны не только правители, Эрего, – говорила она. – Но и те, кто обладает глубокими знаниями. Ты будешь подспорьем своим братьям.

И он желал стать этим подспорьем, до тех пор, пока братьев не стало, а о Рионе и, видимо, лучшем университете обитаемого мира ему придется забыть навсегда.

Мирко распахнул дверь, пропуская юношу, затем зашел в узкий Т-образный зал, холодный из-за распахнутых окон,

через которые втекал сырой осенний воздух, волнующий синее пламя факелов.

Вторая стража, двадцать солдат в плащах со знаком асторэ, добровольцы, те, кто верил в Вэйрэна безоговорочно, те, кто пережил Ночь Синего Огня, кто сражался с шауттами, кто выжил в том числе благодаря Рукавичке. Ее личная гвардия, хотя она и не просила о ней. Воины, готовые умереть, защищая асторэ, точно так же, как они готовы умереть, защищая семью да Монтаг.

Они стояли у дверей и вдоль стен, сидели за столами, грелись возле камина, и, когда наследник появился со своими людьми, в пол громко ударили пятки копий и алебард, приветствуя его, а их командир, молодой воспитанник герцога, приходящийся Эреку четвероюродным братом, единожды стукнул в находящуюся за ним дверь кулаком в латной перчатке.

Почти сразу же на пороге появился Алессио, увидел сына герцога и подчеркнуто вежливо, низко поклонился, но Эреку почудилась в этом поклоне скрытая насмешка.

Наследник не любил треттинца. Все пороки, которые, как считали угрюмые, прямые жители Горного герцогства, есть у изнеженных южан, наследник видел в мастере меча. Слишком болтлив, слишком себялюбив, слишком надменен и излишне бахвалится.

– Ваша милость. Пожалуйста, будьте любезны подождать одно лишь мгновение и простите мне мою неучтивость, но

Рукавичка просит передать, что ей надо все подготовить к вашему уроку – сказал мастер меча.

Это можно было бы легко счесть оскорблением в любой другой ситуации – не пустить сына герцога туда, куда он может войти по праву хозяина, и оставить ждать на пороге. Но Рукавичка – особый случай, ее ценили, оберегали и слушались, пускай она никогда никому не приказывала.

Эрек сухо кивнул, отойдя с Мирко к окну, а Алессио снова закрыл дверь.

– Насколько он хорош?

– Милорд? – не понял летосец.

– Твой друг треттинец.

– Мы не друзья, милорд. У него, как у меня, золотой карп, но мы не дружим и даже близко не знакомы. Нас обучали в разное время, разные мастера, и экзамены мы тоже сдавали не вместе.

– Хорошо. Не друг. – Эрек сложил руки на груди, хмуро посмотрел на запертую дверь. – Насколько он хорош?

– Я никогда не сражался против него. Думаю, вам стоит спросить у Тарика, они ладят между собой. Но если опираться на слухи, то Алессио сейчас один из трех лучших фехтовальщиков среди Золотых карпов.

– А кто двое других?

– Я, милорд. И человек из Алагории, я никогда не видел его, только слышал, что он где-то на Рубеже.

Эрек кивнул, говоря этим, что удовлетворен ответом.

Юноша думал о том, что, кажется, понял, отчего не выносит треттинца. Мысль показалась ему глупой и совершенно детской. Ему не нравилось, что Алессио охранял только Рукавичку, был рядом с ней всегда, спал на пороге ее комнаты, если надо, точно пес, и не оставлял ее ни на минуту.

Мастер меча находился с женщиной гораздо дольше, чем Эрек, и…

Стоило признать, что наследник ревновал. Ее к нему. Время, что они проводили вместе. Слова, что говорили. Любые слова. То внимание, что он забирал. Должен был забирать и…

Дверь распахнулась, и треттинец поклонился вновь. Насмешливо? Или Эреку уже это просто кажется?

– Ваша милость. Она просит вас войти. Пожалуйста.

Он надеялся, что на скулах не появились алые пятна и никто не видит, как сильно его волнение перед встречей с ней.

Знакомый ему полукруглый зал с высокими стеклянными дверьми, выходящими в осенний парк. Они оказались распахнуты, и несколько желтых листьев занесло внутрь вместе с грязью и каплями начавшегося дождя.

– Мой господин. – Рукавичка, как всегда в простом скромном, сотканном из шерсти платье, с заколотыми темными волосами и с черной повязкой на глазах, поклонилась ему, опираясь на посох.

Эрек жадно смотрел на ее бледное, очень красивое лицо и такие привлекательные губы. В последнее время они слиш-

ком часто ему снились, и навязчивая мысль об этой женщине не оставляла его уже несколько месяцев.

– Здравствуй. – Он постарался сказать это спокойно, но голос стал хриплым. – Ты давно не учила меня.

– И нам придется наверстывать упущенное, милорд. – Едва касаясь посохом пола, она пошла на его голос. – Позволено мне будет попросить взять меня за руку?

Рукавичка могла бы и не спрашивать. Он мечтал, чтобы что-то подобное произошло.

– Конечно.

Эрек ощутил приятную прохладу ее пальцев, легкое пожатие, и, к его сожалению, контакт прервался куда раньше, чем он надеялся.

– Вы очень взволнованы, милорд. И плохо спите ночами. Вы утомлены. Уверены, что сейчас подходящее время для урока?

– Времени у нас немного, ты сама говорила об этом. Шауты пришли в наш мир, они придут и за мной рано или поздно. Мне надо научиться сражаться с ними.

– Прежде чем сражаться, следует научиться различать шауттов, ваша милость. Этому мы сегодня и будем обучаться. Там. На столе. Выпейте, пожалуйста.

Юноша взял кубок из тонкого стекла, оплетенный золотой проволокой, понюхал темно-бордовый напиток.

– Вино?

– Не могу же я предлагать сыну владетеля простую во-

ду. – Слепая улыбнулась. – Пейте, ваша милость. Это позволит вам услышать Вэйрэна, если такова его воля.

Эрек выпил залпом, ощутив в вине слабый привкус железа и нечто похожее на заплесневелый сыр. Рядом стояла бутылка, и он даже удивился, что у хорошего соланского такой дурной букет.

– А теперь за мной, – сказала Рукавичка решительно.

И вышла в парк.

Эрек недоуменно посмотрел ей вслед, чувствуя, как немеют кончики пальцев, и поспешил следом. Тропа, засыпанная листьями, виляла меж высокого кустарника и лип. Он помнил, что замковый парк небольшой, огороженный стенами от любопытных глаз, но они шли и шли, и Эрек никак не мог догнать женщину. Он прибавил шаг, не желая бежать, пожирая глазами ее гибкий стан, но не приблизился к ней ни на дюйм. А потом она и вовсе исчезла за поворотом, оставив наследника в одиночестве.

Отбросив сомнения, юноша наконец-то побежал, но на тропе Рукавички больше не было, хотя он продолжал слышать ее шаги и постукивание посоха сквозь шелестящий дождь. Стало быстро смеркаться, слишком быстро, чтобы это было правдой, и тропа тут же показалась ему очень узкой, неприятной.

И… опасной.

Эрек кожей чувствовал угрозу, разлитую в парке, и только гордость, да мысль, что Рукавичка никогда не забудет его

трусости, не позволили ему поспешить назад, поближе к людям, что охраняли его все время, кроме уроков с гостьей герцога.

Он все-таки догнал ее, чувствуя, как пот пропитывает рубашку и ткань липнет к лопаткам. Слепая стояла перед кривой высохшей липой, угрожающе вскинувшей черные ветки, словно желая проткнуть женщину.

– Ты асторэ, – произнесла Рукавичка. – Такой же как я, но твой дар спит и не желает пробуждаться. Понадобится много дней, возможно, лет, чтобы ты смог противостоять им в одиночку, но начало уже положено. Вэйрэн касается тебя, пусть ты и не слышишь этого. Посмотри, видишь ли ты шаутта?

Эрек огляделся, заметил, что женщина, чье платье намокло от дождя и липло к телу, которое так его волновало, смотрит лишь на дерево.

– Шаутты это та сторона, мой брат по крови, – тихо произнесла она, снова взяв его за руку. – Это тьма в самых опасных уголках ночи. Это ложь в старых разбитых зеркалах. Это тени.

И тогда он увидел, что, несмотря на глубокие сумерки, у старой липы есть густая, угольная тень, и тень эта движется, неспешно раскачивается из стороны в сторону, хотя дерево остается неподвижным.

Эрек шагнул вперед, выхватывая кинжал, выточенный из дубового бруса, но Рукавичка не разжала пальцы и потянула его назад.

– Видеть не значит уметь убить. Ты еще не готов.

Тень-ветвь метнулась к ним, и юноша от неожиданности моргнул, а затем с удивлением понял, что сумерки исчезли, вокруг день, через открытые двери слышно, как мягко шелестит дождь, а он стоит в зале, с пустым кубком в руках и смотрит на улыбающуюся Рукавичку.

– Вэйрэн озарил вас своей милостью, милорд.

– О чем ты? – недоуменно спросил он. – Как мы здесь оказались? Как вернулись из парка?

– Мы? Из парка? – Рукавичка подошла к нему близко и положила руку на плечо. – Мы не покидали зала, милорд. То был Вэйрэн в моем обличье, и он показал тебе что-то. Я очень хочу узнать, что ты там увидел.

Глава шестая
«Дубовые колья»

Ветер рвет перо берета,
Сушит ложе арбалета,
Бьется о броню жилета
И прорехи в нем.
Но в сердцах горит пожар.
Меч и пика не дрожат,
Пока стоим на рубежах
За герцогство и дом![1]

Боевая песня баталии Горного герцогства

Люди – как единый многоголовый зверь.

Многоголовый, многоногий, многорукий, рычащий, сквернословящий, вскрикивающий, потеющий, лязгающий и истекающий кровью. Зверь рвался вперед, лишь затем, чтобы откатиться назад, оставляя на камнях части себя.

Мертвые, умирающие, стонущие и молящие о помощи.

– Пожалуйста! – Человек, приподнявшись на локте, протянул раскрытую ладонь. – Пожалуйста! Сдаюсь!

Произнеся стандартное слово в бою между благородными, он предлагал принять его капитуляцию, взять в плен и

---

[1] Здесь и далее стихи Виктора Эйдерманна.

получить за него выкуп.

Дэйт опустил шестопер ему на шлем, вминая металл в череп, так что из-под широких полей капеллины ручьями потекла кровь. Увидел движение слева, инстинктивно поднял круглый щит, но укола не последовало. Дикай, защищавший господина, врезался в противника, точно стальной шар, выпущенный из метательного перрьера. Ударил что есть силы краем щита под подбородок, отбросив к перилам, зарубил секирой.

Двух оставшихся рыцарей, стоявших спиной к спине, несмотря на отчаянное сопротивление и тяжелые цвайхандеры, которыми они пытались перерубить древки пик, люди Дэйта порвали точно так же, как разозленные псы рвут опасных матерых секачей.

Но это не помогло удержать оборону, все больше и больше врагов в стальных панцирях заходило на мост, и солдат Горного герцогства стали теснить. Сперва они сделали шаг назад, затем два. И пять. И десять. Воины отступали, ощерившись пиками, пытаясь восстановить строй, спотыкаясь о лежащие под ногами тела.

Противник, чувствуя слабину, усилил натиск, и с «берега» его поддержали другие. Расстояние позволяло стрелять настилом, но людей Дейта спасало то, что лучники боялись попасть по своим воинам и смерть падала редко, в большей степени пролетая над головами.

Кто-то, вскрикнув, рухнул со стрелой, застрявшей в шее,

вновь открыв опасную брешь, и в нее тут же бросились несколько фихшейзцев, стараясь развить преимущество. Один из них, настоящий гигант, просто схватил целившуюся в него пику и вырвал ее из ряда вместе с человеком, разваливая строй.

– Бежим! – закричал Дикай. – Бежим!

В голосе оруженосца звенела настоящая паника.

– Отходим! – поддержал его какой-то солдат.

– Спасайтесь!

– Мост потерян!

Они еще могли бы закрепиться. На нешироком промежутке, по шестеро в ряд, превратившись в грозного ежа, начать выдавливать нападающих и снова построить оборону вокруг каменных груд, которые Дэйт приказал рабочим сложить, создавая вал между своими людьми и фихшейзцами. Но паника сожрала все возможности, и ничего уже нельзя было спасти.

Только отступить.

– Проклятье! – Дэйт побежал прочь вместе со всеми, каждый миг ожидая, что в спину ударит стрела или брошенное копье.

Кто-то перед ним споткнулся, упал, и пришлось перепрыгнуть через солдата, чтобы не потерять темп. Сейчас как никогда «берег» показался Дэйту недостижимым.

– С боем барабанов и под игру дудок вы должны меня по-

хоронить! Меня похоронить! – Мастер Рилли негромко напевал старую треттинскую песенку наемников.

Глупую. Почти без рифм. Придуманную неизвестным, возможно уже давно похороненным в той самой могиле, о которой он когда-то спел.

В решающие моменты капитан наемного отряда частенько бормотал еще в молодости выученные строчки. Об этом знал каждый его стрелок, и «Шаутт и могила» давно стала визитной карточкой «Виноградных шершней». Вот и сейчас сразу несколько стрелков подхватили песню следом за командиром.

– Лунный человек бьет в барабан. Бьет по натянутой коже мертвеца, и ты чувствуешь дрожь в своем сердце.

Они стояли с опущенными забралами в виде искаженных лиц шаутта. В легких доспехах, удерживая в руках тяжелые мощные арбалеты, наемники негромко пели:

– Ты ждешь крови и рубки, радуясь ритму. Раз. Другой. Третий. Так начинается схватка.

Происходящее на противоположном краю пропасти можно было различить с большим трудом – пещера казалась сотканной из густых теней и алых бликов на доспехах друзей и врагов.

– Лунный человек смеется и радуется будущим могилам и еде, которую мы создадим для него.

До них доносились отголоски боя, лязг металла, глухие удары, которые внезапно сменились паническими криками.

Рилли перестал петь и подался вперед, резким движением подняв забрало.

– Бегут! – хмыкнул он. – Бегут, сукины дети! Больше огня!

Трое запалили подготовленные и облитые маслом вязанки хвороста. Пламя тут же взметнулось вверх, осветив его стрелков, фрагмент моста, а затем отступавших.

Милорд Дэйт, как и думал Рилли, был самым последним. Стоило сказать, что командир оказался довольно проворным малым и преследователи отставали от него шагов на десять.

Рилли лишь покачал головой. Какой глупый бардак развели. Он до сих пор не верил, что у них получится все сделать так, как задумано, но, судя по толпе улюлюкающих фихшейзцев, потерявших голову из-за внезапной победы, работа для него все же найдется.

Он поднял арбалет и по летки всадил болт в грудь первому из преследователей, без труда пробив кожу куртки и сталь кольчуги. Его ребята, все двадцать шесть человек, что находились на этом участке обороны, следуя примеру капитана, разрядили оружие.

Словно кто-то раскрутил над головой цепь, а затем ударил ею по ненадежно установленным игрушечным солдатикам. Несколько рядов просто смело, и они, упав на камни, заставили тех, кто напирал сзади, замешкаться и дать возможность своей пехоте миновать арбалетчиков и юркнуть через открытые пространства, оставленные в шеренгах.

Рилли с усмешкой кивнул своему сержанту, и тот снял с пояса большой охотничий рог. Стрелки, прошедшие десятки сражений, закинув арбалеты на плечи, отступили за щитоносцев, оставляя площадку перед мостом пустой.

Капитан Рилли очень хотел закричать «Бежим! Спасайтесь!», но он сдержался. Настоящие сиоры должны быть сдержанны, даже если момент кажется им подходящим.

Веревка перетягивала пояс, сжимая крепкой хваткой. Еще одна крест-накрест проходила через грудь, надежными скобами соединяясь с той, что не давала ему сверзиться в бездну. Он висел уже несколько часов, прислушиваясь к тому, что происходит наверху.

Мастер Скворец ненавидел работу, которую ему поручили. А вместе с ней ненавидел и эти подземелья, и своего владетеля.

Он понимал, что барон прав. Знал, зачем все они здесь, но на душе скребли кошки.

Однажды, еще когда Скворец был молод, он отправился постигать искусство каменщика в Элби, Бирюзовый город, расположенный на границе Соланки и Савьята. Там он увидел, как горожане обошлись с постройками прежней эпохи.

Пирамиды Первых Королей, десять величественных громадин, созданных человеческим гением, оказались разобраны на камни и сложены в дома, чьи бирюзовые стены, на закате мерцающие точно светлячки, заставляли Скворца ду-

мать о том, какими же были эти пирамиды, закрывающие небо? Лишь от одной из них осталось массивное каменное основание, на котором впоследствии вырос самый большой рынок обитаемого мира. Чтобы обойти вокруг него, Скворцу потребовалось четыре с лишним часа.

Он хмурился, тер затылок и с сожалением понимал, что его скудного воображения не хватает, чтобы представить, как все это выглядело в прошлом. Пирамиды должны походить на горы. На Зубец Тиона или Гребень Арилы. Но совершеннее, изящнее и…

Скворец часто размышлял, что могло скрываться за этим «и»? Он не мог воссоздать в голове задумку каменщиков прошлого. Скульпторов. Архитекторов. Строителей. Волшебников. Ни в одной библиотеке, даже Каренской, не осталось никаких рисунков пирамид, не говоря уже о чертежах. Были лишь слухи. Рассказы. Мифы. Каждый утверждал свое, и Скворец понимал, что разговоры слишком далеки от реальности.

Он грустил по Элби, городу, уничтожившему свое прошлое.

Грустил, оказавшись в Филгаме, где разрушили каменные сады ордена таувинов, посчитав их куда менее важными, чем новый летний дворец герцога Соланки.

Грустил в Навуре, где великую гавань, в которую приходили лебединые корабли волшебников, перегородили плотиной, сломав величайший маяк Единого королевства.

Грустил перед мраморной рукой, сжимавшей мраморное бедро неизвестной девушки так, что на ее коже были видны ямочки от касания каменных пальцев. Статую разрушили кувалдами, потому что тогдашний правитель Лобоса счел ее слишком вульгарной для своего города. Так мир потерял Мужа и Деву Медовых пущ, тех, кого создал с помощью резца сам Войс.

Скворец ненавидел всех людей, разрушивших настоящие чудеса прошлой эпохи в угоду своим примитивным желаниям и бездарным постройкам. Он считал это по меньшей мере преступлением против мастеров и камня.

Камень уж точно такого не заслуживал.

И вот теперь, спустя годы, каменщик барона сам стал одним из таких убийц прошлого.

Он с тоской думал о том, что его запомнят не как создателя башни Стрел в замке барона и не как человека, отреставрировавшего Драбатские Врата и великолепную серпантинную лестницу, чьи ступени помнили людей, поднимавшихся по ним в Эпоху Процветания.

О нет. Его запомнят как каменщика Скворца, уничтожившего легендарные мосты через Улыбку Шаутта.

Величайшее «достижение» его жизни.

Он всегда чувствовал камень, видел его насквозь, знал все его сильные и слабые стороны. Его учителя, а затем и ученики, поражались, когда Скворец начинал работу и твердая порода под его руками порой превращалась в мягкую глину,

столь легко он обращался с гранитом, базальтом, песчаником и известняком. Каменщик никогда никому не говорил о своем даре – слышать камни, считая, что людей это только отпугнет. Поэтому он просто делал то, для чего его впустили в этот мир Шестеро – строил, восстанавливал и снова строил.

Теперь же ему следовало не созидать, а уничтожать.

Он не знал, зачем Шестеро дали ему такое испытание. Что же, Скворцу придется пройти через этот этап жизни.

Поэтому мастер прислушивался к бою, который происходил над ним. Скворец не стал зажигать фонарь, чтобы никто не заметил его. Он и без света знал, что делать. Трещина, расширенная сверлами, а затем клиньями, была прямо перед ним. Он сам нашел ее, в глубине уставшего за тысячелетия камня, вывел наружу.

Сперва она была не больше волоса и угадывалась лишь под его чуткими пальцами. Пришлось работать неделю, чтобы сделать ее видимой. Затем в ход пошли сверла. Его работники вгрызались в опору по всей ее длине, лишь для того, чтобы в просверленные отверстия вбить клинья и расширить трещину еще сильнее. Теперь в ней, зияющей, точно открытая рана, находился огромный, выкованный из лучшей стали клин, по которому надо было нанести всего лишь один, последний, решающий удар.

Скворец чувствовал камень. Чувствовал боль того, кто не желал умирать и исчезать в глотке Улыбки Шаутта.

Один удар. Один проклятый удар, да простят его Шесте-

ро, и все будет сделано.

Стальной ручей прорвался через рухнувшую плотину и устремился на берег с суетливой поспешностью того, кто не мог поверить в свою удачу. Фихшейзцы формировали строй, не торопясь бросаться на отступившую пехоту Дэйта.

Ждали подкрепление, чтобы уже наверняка опрокинуть ненавистных упрямцев и закончить то, ради чего они спустились под землю.

Дэйт, вооруженный алебардой, стоял вместе с бойцами, поднявшими щиты. Трещали и чадили факелы, в их оранжевом свете солдаты смотрели, как огненная лента перетекает с одного берега на другой, скользя по мосту, который должны были защищать воины Горного герцогства.

– Ублюдки! – буркнул солдат, что стоял рядом с Дэйтом и поудобнее перехватил древко пики латными рукавицами.

– Пора, милорд? – спросил Дикай, потерявший щит во время бегства.

Дэйт лишь мрачно заворчал, точно большой медведь, чей сон потревожили.

Он ждал. Ждал до последнего, а затем, когда ждать уже больше было нельзя, сказал:

– Мастер Рилли. Будьте любезны.

Винченцо Рилли всегда помнил одну простую истину – удача в сражении вещь переменчивая. Он побывал во мно-

жестве битв и не всегда они заканчивались в пользу тех, кто нанимал «Виноградных шершней».

Поражения такая же часть войны, как голод, раны, болезни, холод, вороватый интендант, недостаток болтов, задержка жалованья, неразбериха на поле боя и тупые командиры.

Тупые командиры.

Да.

Это, пожалуй, самое опасное для ребят, зарабатывающих марки с помощью мечей. Из-за тупых командиров в сражениях погибло больше людей, чем из-за паники или плохой разведки местности.

Благодаря им на корм воронам отправилось много хороших солдат.

Милорд да Лэнг не был глупцом или самодуром. Хотя, увидев его в первый раз, мастер Рилли решил, что перед ним очередной высокородный кретин, способный лишь рычать, да махать секирой. За свою полную приключений жизнь капитан наемников насмотрелся на подобный тип людей. Для них главное – рубить, убивать, нестись в атаку, а думать они не способны.

Впрочем, Винченцо довольно быстро понял, что ошибался насчет родственника барона. Тот скорее походил не на свирепого безумного медведя, а на старого, опытного кабана. Умного, осторожного, не лезущего напролом к охотникам. Нет. Такой зверь сперва расправится с собаками, а затем постарается убить как можно больше загонщиков и ловчих,

стремительно выскакивая из подлеска, распарывая клыками ноги и животы и вновь скрываясь в чаще.

Его уважали и ценили солдаты. Ударный отряд из Шаруда, часто выступавший на острие атаки, показал свою надежность, слаженность и способность противостоять куда более серьезным силам. То же отступление от Брокаванского перешейка прошло без потерь благодаря тому, что гвардейцы Дэйта шесть часов сдерживали атаки «Велатских астр» и «Серебряных алебард», лучших наемных бригад Ириасты.

Этот Дэйт оказался превосходным тактиком. Так что Рилли без серьезных сомнений согласился составить ему компанию возле Улыбки Шаутта. К тому же за это платили хорошие деньги.

Но когда милорд озвучил свой план, Винченцо вновь вспомнил о простой истине – удача в сражениях вещь переменчивая. Он до последнего не верил в успех этой на первый взгляд безумной затеи.

– Мастер Рилли. Будьте любезны, – прозвучало рядом с ним.

Капитан наемников отдал приказ, и его сержант двумя руками поднял тяжелый витой охотничий рог, украшенный серебром с бирюзой. Набрал в грудь побольше воздуха, а затем, приложив к губам, дунул.

Сперва Скворцу показалось, что это бездна под ним застонала. Низкий странный тянущий звук окружил его со всех

сторон, начал нарастать, пока не перешел в надрывный рев, прокатившийся по бесконечной пещере.

Он заставил дрожать весь мир. Всю тьму подземелья. И даже каждый камень, испытывая страх от того, что неминуемо должно случиться.

– Простите меня, Шестеро! – крикнул Скворец и замахнулся молотом.

Дэйт думал, что от гулкого глухого воя у него лопнут виски, несмотря на стеганый подшлемник и опущенное забрало салада.

Проклятый сержант точно прилип к не менее проклятому рогу, будто созданному самими шауттами, и льющийся из него рев должен был разорвать головы солдат и обрушить высокий потолок пещеры. Звук длился, длился и длился, пока не стал невыносимым.

А затем оборвался.

Мгновенно, точно кто-то с силой захлопнул дверь на ту сторону.

Тишина, которая наступила, показалась Дэйту вязкой и тяжелой, словно он взвалил себе на плечи всю казну герцога. Воин повернул голову направо и через смотровую щель шлема в отблесках пламени увидел, что мастер Рилли довольно усмехается.

Огненная цепь из факелов на мосту внезапно вздрогнула, а затем ухнула вниз, вместе с людьми, оружием и камнями,

которые когда-то были одним из чудес прошлой эпохи.

Они упали в полной тишине, и Дэйт понял, что оглох от рева рога у себя над ухом. Но все равно заорал, поднимая забрало и надрывая севший голос, надеясь, что его услышат:

– Щи-и-и-ты-ы-ы!

Услышали.

Оббитые сталью дубовые квадраты сложились в одну сплошную стену, и на левое плечо Дэйта легло тяжеленное древко длинной пики, которую удерживал стоявший позади него солдат. И все остальные бойцы третьей линии повторили движение.

Противник, оставшийся на этой стороне и отрезанный от своих основных сил, оказался удручен и растерян, и Дэйт был не тем человеком, кто собирался дарить врагу передышку.

– Шагом!

Медленно стальной еж двинулся вперед.

– Давай! Дави! Давай! Дави! – раздавалось с каждым шагом.

Те из фихшейзцев, кто сообразил, к чему все идет, бросились вперед. Их атака была разрозненной и слабой, она не смогла поколебать защитников, и пики встретили угрозу слаженным ударом, а те, кто выжил, откатились назад.

– Давай! Дави! Давай! Дави!

Вновь атака, теперь уже куда более осмысленная. Враги, которые все еще были в большинстве, сбивали пики щитами,

и второй шеренге с алебардами нашлась работа. Дэйт ударил поверх голов впереди стоящих, крюком зацепил кого-то за наплечник, повалил, и солдата добили уже без его участия. Скоротечная свалка закончилась щедрой кровью и мощным ударом.

– Давай! Дави! Давай! Дави!

Фихшейзцы бросали оружие, находясь на самом краю Улыбки Шаутта, там, где теперь не было моста. Они сдавались, так и не поняв, что баталия не берет пленных.

– Ускорить шаг! – закричал Дэйт.

И его люди не мешкали. Не испытывали жалости. И не остановились, пока последний из врагов не был сброшен в пропасть.

Пещера была их домом. Крепостью. Спальней. Храмом. Лазаретом. И кладбищем.

Их единственным миром.

Казалось, что они родились в нем, прожили бесконечную жизнь среди мрака, разгоняемого робким пламенем редких костров.

Появились среди влажных острых камней, с первым своим криком вобрав весь холод, что царил здесь, загрубевшей кожей чувствуя каждый сквозняк, которым дышала бездонная пропасть.

Они засыпали под стук молотков и кирок, под него же и просыпались, ждали чуда, а потом снова засыпали. Иногда

ожидание сменялось боем, и он давал им тепло, а тепло разжигало ярость и злость. Заставляло кровь быстрее бежать по сосудам, ощущать жизнь среди потерянного времени.

Тогда они били. Кололи. Рубили. Распарывали. Сминали. Протыкали. Кричали. Убивали. И умирали.

А потом все повторялось. Словно в кошмаре.

Дэйт потерялся во времени. В сердце горы не было ни дня, ни ночи, ни заката, ни рассвета. Они пытались отмерять сутки по количеству смен, по расходу пищи и топлива, по хоть чему-то привычному, но конечно же в итоге могли лишь предполагать, сколько на самом деле отряд провел под землей.

По расчетам Дэйта получалось, что два месяца. Еды оставалось чуть меньше половины, и командир, поговорив с каменщиками, приказал интендантам урезать ежедневные пайки на четверть. А расход топлива взять под жесткий контроль, выделяя его лишь для двух лагерных костров, на часовых, «крепости» и для рабочих.

– Люди не ропщут? – спросил он у Тавера.

Тот, потеряв правую руку в первой же стычке, сидел на пустом ящике, потягивая горячий отвар, и его лицо было едва различимо во мраке, отчего почти никто не замечал, как лихорадка постепенно выпивает из него жизнь.

– Все понимают, что мы не сможем идти на ощупь и грызть камни вместо ужина. Я бы на вашем месте, милорд, сократил порции еды еще сильнее. Дело двигается медленно.

– Четверть мы можем себе позволить. А вот половину – нет, – отверг Дэйт. – Воины начнут слабеть, а слабый солдат мало пригоден в бою. Пока еды, спасибо барону, нам хватает.

– Дело движется слишком медленно, – повторил его лейтенант. – Уверен, что им-то постоянно спускают припасы. Время играет против нас, особенно после того как не стало Скворца.

Дэйт лишь стиснул зубы. Потеря главного каменщика привела к тому, что работы замедлились, хотя все и выкладывались на полную. Это была ошибка командира, его ошибка, что он прислушался к просьбе Скворца и разрешил тому самостоятельно обрушить мост.

Можно было лишиться любого другого, но не мастера, от чьего опыта зависел успех всего мероприятия. Каменщик погиб под обломками.

– Сегодня рабочие обещают сломать второй мост. Опоры едва держатся. – Дэйт встал. – Отдыхай.

– Скоро моя смена.

– Ее разделят Зидва и Харги. Ты едва стоишь на ногах, так что слышать не хочу о том, что ты здоров. И пусть врач поменяет повязку. Это приказ.

Тавер, тихо ругнувшись, лег на матрас из отсыревшей соломы:

– Проклятье! Угораздило же меня!

Дэйт оставил его и в сопровождении Дикая, держащего факел, прошел вдоль берега маслянистого озера, где распо-

лагался их лагерь, а после направился к Улыбке Шаутта.

Оруженосец в накинутом на латный доспех теплом плаще казался громоздким и неуклюжим. На его обросшем щетиной молодом лице явственно читалось выражение недовольства.

– Что еще? – буркнул Дэйт.

– Ваша безопасность, милорд. Я должен быть рядом с вами. Моя обязанность защищать вас.

– Теперь понимаю, как я доставал его светлость теми же самыми словами, – с напускным смирением произнес начальник охраны. – Парень, если начнется свалка, я в состоянии о себе позаботиться. Выживал же я как-то раньше, до того, как ты вообще появился на свет!

– Я…

Дэйт остановил собиравшийся обрушиться на него водопад слов движением ладони:

– Довольно! Право, когда ты по моему приказу «паниковал» на мосту, мне это больше нравилось. Зачем ты попросился в мой отряд, Дикай?

– Милорд?

– Совершенно простой вопрос, парень.

– Я защищаю свою страну. И ради славы. Не буду врать.

– Защищать страну можно сотней разных способов. Если ты хотел славы, титулов, земель, благосклонности герцога – надо было отправляться вместе с ним на запад, туда, где сейчас идут основные бои. Быть у него перед глазами, стяжать

эту самую славу. Ведь понимаешь же ты разницу между мной и герцогом?

– Мой дед погиб на Брокаванском перешейке в прошлую войну. Я не мог… боюсь, милорд, не смогу объяснить. Но… страну надо защищать не только ради золота и титула, как думают многие. Как говорила моя матушка: есть рыцари на белом коне, а есть те, кто помогают им на этом коне удержаться.

– То есть в отличие от остальной молодежи ты не планируешь стать героем?

– О нет, милорд. Еще как планирую. Хочу быть как воины прошлого. Чтобы обо мне пели песни потомки. Вам разве такого не хотелось, милорд?

– Хотелось, – признал Дэйт. – Но очень давно.

– А теперь, милорд?

– С годами, парень, многие вещи, которые ты ценил раньше, внезапно становятся совершенно не важны.

– А что же важно?

– Сохранить жизни своим людям, например. Закончить дело, из-за которого мы здесь. Увидеть солнечный свет. Вернуться к дочерям. Дождаться внуков. Важных вещей в мире бесконечное количество, мой оруженосец. А песня, в которой тебя будут помнить лет через триста… песня это лишь песня.

– Вы не любите легенды, милорд?

Дэйт протянул свой факел к горевшему факелу Дикая, за-

жег его.

– Легенды рассказывают нам о прошлом, парень. И я люблю слушать их. Но не желаю лишь превратиться в миф, точно герой из прошлого. Это необязательно – самому становиться легендой.

– Иногда такое происходит вопреки нашему желанию, милорд. Думаете, Тион, Лавьенда или Арила этого так уж хотели?

Дэйт задумчиво посмотрел на оруженосца:

– Не поспоришь. Сегодня обрушивают второй мост, отправляйся к нему, найди Харги, скажи, что Тавер еще не оправился от раны и сегодня я оставил его в лагере. Я проверю посты на первом, у Зидвы и Рилли, а потом приду к вам.

На их стороне Улыбки, там, где находилась вторая линия обороны, горел лишь один костер, пускай и достаточно большой, чтобы солдаты смогли собраться вокруг него. Рядом стояли прислоненные друг к другу алебарды, пики и протазаны, точно застывший стальной смертельный лес, только и ждущий, чтобы его вырвали из земли и дали напиться крови.

Здесь же находился флаг отряда. Это был старый баронский штандарт, который солдаты изменили, получив разрешение Дэйта.

Когда с этим предложением от своих людей пришел Харги, Тавер только нахмурился:

– Рисовать на полотнище поверх герба его милости? Да они сдурели!

– Пусть рисуют, – промолвил Дэйт, все взвесив. – Но не на гербе. На поле. Герб не уродовать!

– Эта вольность может дорого обойтись, когда мы вернемся, – предупредил Тавер.

– Если, – выделил слово Дэйт, – мы вернемся, мой друг. И не обойдется, потому что уж я-то смогу доказать свояку, что никто не желал оскорбить его стяг. Сейчас всем нужно ощущение сопричастности, так как в нашей «армии» собрались слишком разные люди. Гвардейцы Шаруда, белая кость, лучшие столичные воины. Ребята барона, охранники рубежей, рабочие мулы баталии. Наемники из Треттини. Мастеровые… Все они должны быть едины. И чувствовать это. Испортить флаг краской и дать название нашему отряду, раз так хочется простым солдатам – это та малость, на которую я легко готов согласиться ради поднятия морального духа. Хотят быть «Дубовыми кольями», пусть напишут это на ткани. Я только за.

Дэйт похлопал себя по поясу, где рядом с кинжалом в кожаной петле висела короткая, остро заточенная с одного конца дубовая палка. Многие, прибывшие с ним из Шаруда, носили такую на случай встречи с шауттами.

Так у их маленького подземного отряда появилось свое название.

Заметив командира, воины начали вставать, но Дэйт махнул им, чтобы отдыхали, пока есть возможность, и прошел дальше, к мосту, где дежурили несколько стрелков.

Сержант, тот самый, что трубил в рог, поприветствовал его. На нем, как и на большинстве арбалетчиков, был легкий доспех из толстой кожи и нашитых на нее стальных полосок.

– Где твой капитан? – спросил Дэйт.

– На другом «берегу», сиор. С Зидвой. Сегодня там было жарко.

– А новый мастер каменщиков?

– Ушел к третьему мосту. Ждет вашего приказа, чтобы обрушить его. Здесь работает лишь несколько человек.

Дэйт перегнулся через перила, посмотрел на мерцающие огоньки масляных фонарей бригады каменщиков, а затем направился по каменной дороге через пропасть. И сержант присоединился к нему, не ожидая приглашения.

– Мне не нужно сопровождение. – Начальник охраны герцога недовольно покосился на него.

– Если вы против моей компании, возьмите кого-то другого, сиор. Времена нынче опасные, чтобы ходить в одиночку, – не смутился треттинец.

– Даже когда мы удерживаем оба рубежа?

– Но, сиор. Разве вы не слышали о наемных убийцах, способных уничтожать полководцев, даже запертых в крепостях, стоит только охране отвернуться?

– Ты о сойках?

– Сойки, сиор? – Сержант пожал плечами. – Они скорее миф, чем реальность. Если они действительно существуют, то служат Ночному Клану, а тот не участвует в войнах гер-

цогств и не отдает своих убийц в аренду любому желающему. Кроме соек есть и обычные люди, способные стрелять из арбалетов и владеть мечом и кинжалом. Простите, сиор, но я не желаю, чтобы такое произошло с вами, особенно когда я старший в карауле.

– Личная заинтересованность?

– Конечно, – не стал отрицать треттинец. – Во-первых, капитан спустит с меня шкуру, а я того не желаю. Во-вторых, вы гарантировали «Виноградным шершням» щедрую плату за бои в подземелье. И с вашей смертью получить деньги будет сложнее.

– Герцог выполнит обязательства, а барон да Мере подтвердит все договоренности, если со мной что-то случится.

– Конечно. Но, как говорится, барон тоже смертен, а в прошлом происходили досадные неприятности, когда наемным солдатам было крайне непросто получить выплаты, даже имея на руках заключенный контракт. Так что позвольте довести вас до следующего поста.

Дэйт усмехнулся такой дерзости и задал давно занимавший его вопрос:

– Твой рог. Он странный. Что с ним не так?

– Это артефакт прошлой эпохи, сиор. Во всяком случае, так говорят летописи отряда. Он у «Шершней» с момента основания, уже несколько веков. Ребята считают, что этот талисман приносит удачу.

– Волшебная вещь? – хмыкнул Дэйт, вспоминая, что нор-

мальный слух после того сигнала к нему вернулся только к вечеру.

Сержант рассмеялся:

– Ну, волшебные вещи в нашем мире до сих пор встречаются, сиор. Обычно они приносят одну беду, особенно если принадлежали некромантам. Но, по счастью, очень редки. Это просто рог, который создал хороший мастер. Как и эти мосты.

– Мосты создали волшебники.

Сержант улыбнулся, пожал плечами.

Большая площадка на месте первого лагеря отряда была ограничена подковообразной стеной из камней высотой почти в два ярда. За этой преградой солдаты чувствовали себя куда в большей безопасности, и благодаря сложенной ступени, на которую можно подниматься, они могли бить пиками и алебардами сверху вниз в тех, кто уже несколько раз пытался взять укрепление штурмом.

Зидва вышел к ним, по привычке отвесив легкий поклон Дэйту.

– Сколько здесь людей? – спросил да Лэнг.

– Сорок семь и двадцать стрелков, милорд. Мы готовы, если они полезут.

– Капитан Рилли?

Зидва покрутил головой, глядя на тени в отблесках факелов:

– Вон, на стене.

Вместе с сержантом-южанином Дэйт поднялся на укрепление. Капитан наемников вглядывался во мрак за стеной укрепления и, как всегда, грыз зубочистку.

– Как обстановка?

– Тихо, сиор. Нападающие не спешат получать в десятый раз. Но у нас беда с арбалетами. Тетивы отсыревают даже в чехлах. Мы потеряли где-то четверть из того, что взяли с собой. Я к тому, что через какое-то время эффективность моих ребят довольно сильно понизится, и придется менять арбалеты на топоры, тесаки и фальчионы.

– И тебе это не нравится? – подытожил Дэйт.

Он перекинул зубочистку на другую сторону рта:

– Лишние потери, сиор. Какой командир их любит? К тому же у меня еще одна проблема. Нашлась крыса, что крадет у своих. В моем отряде это не приветствуется, и у нас однозначное решение, когда подобное случается. Мне придется казнить солдата.

– Твой солдат?

– Конечно, сиор. Ваших я трогать не смею.

– А сказал ты мне это…

– Вы командир, сиор. Не хочу недопонимания между нами.

Дэйт нахмурился, обдумывая ситуацию.

– Внутренние дела «Виноградных шершней» сейчас касаются всех. Казнь ослабит моральный дух простых солдат. К тому же сейчас каждый человек на счету. Даже вор.

– И как вы предлагаете мне поступить, сиор? – усмехнулся арбалетчик. – Простить его? Выдать ему премию?

– Лишите выплаты. Назначьте двадцать дежурств подряд. Изгоните с позором. Дайте кнута. Но сейчас не время для убийства своих.

Мастер Рилли вытащил зубочистку, изучил ее во мраке, точно она должна была дать ему подсказку для правильного ответа:

– Мне надо обсудить ваше предложение с ветеранами отряда. Хоть я и капитан, но столь серьезные вещи решаются большинством голосов.

Дэйт хотел ответить, но пронзительный, пусть и слабый крик из пропасти заставил его осечься. Мост мягко, едва слышно потрескивал, и он вспомнил, как мальчишкой выбежал на тонкий лед горного озера и как под подошвами его ботинок тот трещал точно так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.